

Юрий Григорьевич Корчевский
Спецназ всегда Спецназ. Прорыв диверсанта
Серия «Диверсант», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10331754

Юрий Корчевский. Спецназ всегда Спецназ. Прорыв диверсанта: Яуза, Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-77430-2

Аннотация

Спецназ всегда Спецназ – и в XXI веке, и в 1941 году. Попад на Великую Отечественную, наш современник «вспоминает молодость» и былую службу в Спецназе ГРУ, принимает бой против Вермахта и объявляет оккупантам диверсионную войну. Ему предстоит пускаться под откос вражеские эшелоны и взрывать склады с боеприпасами, жечь танки и бронепоезда, прорываться из окружений и стоять насмерть под Смоленском. Ведь диверсанты бывшими не бывают! А его война еще только начинается...

Содержание

Глава 1. Шок	5
Глава 2. Аэродром	20
Глава 3. Политрук	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юрий Корчевский

Спецназ всегда Спецназ.

Прорыв диверсанта

Иллюстрация на обложке – Нина и Александр Соловьевы

© Корчевский Ю.Г., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1. Шок

Парень не понравился Александру сразу. Черная куртка, черная вязаная шапочка на голове, глаза карие, и зрачки расширены, как у наркоманов. В руке сумка китайская, какие раньше челноки таскали. Однако в принципе – что с того, понравился парень ему или нет? Кого только в аэропорту не встретишь – от кавказцев до причудливо одетых индийцев. И что с того? Может, я им тоже не нравлюсь своей славянской внешностью. Однако какое-то смутное беспокойство, легкая тревога в душе поселились.

Александр посмотрел на часы. Уже скоро. Сейчас 16–20, самолет из Екатеринбурга должен приземлиться через пять минут.

И почти сразу по громкой связи диктор объявила: «Совершил посадку самолет «Ту-154» рейсом 268 из Екатеринбурга. Просим встречающих...»

Дальше Александр уже не слушал, начал не спеша продвигаться в зал прилета. А чего спешить? Пока трап подадут, пока пассажиры выйдут, счастливые оттого, что перелет позади и они на земле, да пока багаж получают. Если у Антона сумка небольшая, так появится быстро.

Антон – его старый, еще с армии – друг. Вместе лямку в учебке тянули, где, собственно, и познакомились. Потом двухгодичная служба сержантом в 22-й бригаде спецназа ГРУ в Батайске. Если кто не знает, ГРУ – это Главное разведывательное управление Генштаба. Создано оно было для ведения разведки и уничтожения мобильных ядерных средств противника в его глубоком тылу, а также проведения диверсий и организации партизанского движения. Разумеется, в случае войны.

Поначалу без привычки служить было тяжело. И не из-за дедовщины пресловутой, а из-за физических перегрузок. Попробуй выполнить учебную задачу, пройдя перед этим марш-бросок километров на сорок с полной выкладкой да скрытно, за чем рьяно следили офицеры-посредники. Обнаружили себя, считай – задание провалили. Потому передвигались больше по звериным тропам, да еще так, чтобы веточку какую случайно не сломать, травку не помять. При этом шли строго след в след, и не столько из-за примятой травы, сколько из-за того, что если первый мину не усмотрит, подорвутся не все. Да и следов меньше остается. Поди разбери, один человек прошел или несколько.

Антон был парнем физически крепким, выручал Александра. То скатку его заберет – пусть и ненадолго, то разгрузку. Но и Антону с Александром интересно было: тот знал уйму разных историй и помогал сочинять письма любимой девушке Антона. Молчун был Антон: «да» и «нет» – и весь разговор. И писал коряво – буквы неровные, как пьяные. Уж сколько лет после армии прошло... Александр прикинул: «Так, сейчас мне тридцать шесть, демобилизовался я в двадцать. Выходит, дружбе нашей уже восемнадцать лет».

Встречаются они иногда, раз в два-три года. По этому поводу Александр отгулы берет, знакомит Антошку со столицей. Много в Москве интересных мест, все сразу и не покажешь. Вот Исторический музей недавно открылся – после затяжного ремонта, да Антон просил сводить его в Сокольники, в музей восковых фигур. А уж вечером – непременно водочки, да чтобы из морозилки была, лилась тягуче, а бутылка чтобы морозцем по стеклу подернута. И закуска: чтобы обязательно огурчики домашней солки, что Александр брал на Дорогомиловском рынке, да грибочки маринованные, лучше грузди, да под черный хлебушек. Вкуснотища! А потом – картошечку, жаренную с салцем. Сало Саша покупал на Киевском вокзале, у приезжих украинцев. Надо же! Раньше самостийные братья-славяне кричали на каждом углу – дескать, объели их москвичи! А теперь сало свое сами в Москву везут, добровольно. Чудны дела Твои, Господи!

В предвкушении встречи с другом и последующего застолья Саша потерял руки. На глаза снова попался давешний кавказец в черном. Тьфу, чтоб тебе! Как черный ворон! Александр вытянул шею, пытаясь через головы встречающих увидеть Антона.

Сзади кто-то дернул за руку.

– Земляк, едем в Москву! Недорого, всего три штуки, – предложил нагловатый таксист, крутя на пальце связку автомобильных ключей.

Ответить Александр не успел. За спиной таксиста сверкнула яркая вспышка, в уши ударил тяжкий грохот. Со звоном посыпались стекла, раздались крики ужаса. «Кавказец!» – мелькнуло в затухающем сознании, и Александр отключился.

Как ему показалось, в себя он пришел довольно быстро. Вот только непонятно было, где он и почему так светло.

Саша поднял голову и изумился: он лежал на берегу маленькой речки и, что удивительно, было лето. Журчала вода, трава зеленела и одуряюще пахла, над ней летали шмели. Было тепло, даже жарко.

Что за черт! Александр хорошо помнил взрыв в аэропорту и то, как его прикрыл от осколков таксист, принявший на себя порцию смертоносного металла. Но ведь тогда был январь, холодно.

Александр поднялся, сел и оглядел себя. Вся левая сторона куртки была посечена, в прорехах белел синтетический наполнитель. Сняв куртку, он критически ее осмотрел. Ну и досталось ей, пожалуй, бомжи носят лучше. А ведь почти новая.

Александр пошарил по карманам, забрал сотовый телефон и ключи от квартиры, куртку же оставил на берегу. Он нахмурил лоб, соображая, что произошло. По идее, он должен сейчас быть в аэропорту Домодедово и лежать на бетонном полу, а не на берегу речки.

И что еще удивляло – почему лето? И как он сюда попал? Ушел в шоке после взрыва? Могло такое быть. Но лето? Не полгода же он сюда шел?

Для начала надо позвонить Антону – он ведь его встречал.

Достав телефон, Александр набрал привычный номер. Но телефон показывал «поиск сети» и на вызовы абонентов не реагировал. Ладно, с этим позже можно разобраться. А сейчас надо выйти к людям, узнать – где он.

Александр стал внимательно осматривать окружающую местность. Вдали, едва различимые на фоне леса, стояли несколько домов. Туда он и направился. Шел быстро, дышал размеренно, как и учили в спецназе.

Вот и дома. Александр испытал легкое разочарование: к бревенчатым избам вели деревянные столбы с электрическими проводами, а телефонного видно не было. А он так надеялся позвонить!

Александр постучался в дверь бревенчатого дома.

На стук вышла вполне ничего себе девушка лет восемнадцати, как раз во вкусе Александра: не худая, не толстая, есть на чем глаз остановить.

Саша спросил:

– Девушка, я заблудился немного, не подскажете – что это за деревня?

– Так Богдановка же!

Минуту Александр переваривал услышанное. Что-то он не припомнит такое название населенного пункта близ Москвы либо в Подмосковье, хотя коренной москвич. А впрочем, чего удивляться? После армии он устроился в метро, закончил курсы, работал помощником машиниста, потом – машинистом и больше времени проводил под землей, чем на ней. А за город выбирался всего несколько раз с друзьями на дачу: шашлыки пожарить, пива попить.

– Не соображу что-то, где это – вы уж меня простите, пожалуйста... А район какой?

– Пинский.

– Вы хотите сказать, что я в Белоруссии?

– Да, именно так.

Похоже, девица не шутила, да и говор у нее странный – не акающий, как у москвичей.

Первое, что пришло ему на ум – Пинские болота. Откуда, из каких уголков памяти он вытащил эту ассоциацию?

– И болота у вас здесь есть? – уточнил он.

– Полно вокруг, – первый раз за все время разговора улыбнулась девушка, – но не только болота. Речки еще есть, озера.

– А какое сегодня число?

– Первое июля, десятый день войны, – снова посерьезнела девушка, не спуская с незнакомого парня ставшего вдруг подозрительным взгляда.

Наверное, его после взрыва все-таки контузило. Девушка о войне говорит, он сам понять не может, куда его занесло.

– Месяц, год какой вы говорите? – переспросил изумленный Александр.

Тут уж девушка удивилась:

– Я и говорю – первое июля тысяча девятьсот сорок первого года.

– Правда?!

Внезапно Александр услышал странный незнакомый гул, идущий откуда-то сверху. Гул был натужным, и ничего хорошего живущим на земле не обещал. Он предупреждал: «Везу-у, везу-у-у...»

Александр поднял голову и увидел идущие ровным строем звенья тяжелогруженных самолетов, по-видимому, бомбардировщиков, сопровождаемых юркими истребителями.

Олеся проследила за его взглядом и тоже увидела самолеты:

– Опять летят!

– Кто «летят»?

– Да самолеты ж фашистские! Города русские бомбить полетели! А наших самолетов что-то не видно! Кто же остановит эту черную силу? – с горечью в голосе проговорила она.

И это заставило Александра поверить в страшную, неправдоподобную, но реальность. Шок и столбняк! Так сильно его никто в жизни не удивлял.

– Вы не контужены, товарищ? – участливо поинтересовалась девушка.

– Был взрыв, куртку посекло, а на мне – ни царапинки, – честно ответил он.

– А, понятно! Вот вы все и забыли. Сами-то откуда будете?

– Из Москвы.

– Из самой столицы? И Сталина видели?

– Нет, только на фотографиях.

– Да что же мы в дверях стоим, вы же, наверное, есть хотите? Проходите в избу!

Александр прошел в комнату. Обстановка бедноватая: кровать с панцирной сеткой и никелированными шишечками, домашний коврик на полу, и уж совсем древний круглый репродуктор в углу.

Вошла девушка, неся крынку молока и каравай хлеба.

– Вы уж извиняйте, товарищ москвич, разносолов у меня нет – чем богата...

Она налила в кружку молока, отрезала ломоть хлеба.

Особо есть Александр не хотел, но, учитывая обстоятельства, решил подхарчиться – еще неизвестно, когда придется поесть в следующий раз.

Молоко оказалось очень вкусным: густым, с толстым слоем сливок сверху, да и хлеб отличный – с хрустящей корочкой.

Александр выпил всю крынку, умял половину каравая; смахнув крошки со стола в ладонь, закинул в рот.

– А что сейчас в мире творится, где фронт?

– Отступают наши, по всем фронтам отступают. Говорят – немцы Борисов взяли и Бобруйск.

– Это далеко отсюда?

– Двести километров в сторону Москвы. Мы в немецком тылу уже.

– Немцы здесь были?

– Чего им тут, в болотах, делать? Они по дорогам прут. Я их не видела даже.

– Даст бог – и не увидишь.

– Я комсомолка и в Бога не верю.

– А зря! Только в него и можно верить, остальные врут.

Девушка обиженно поджала губы.

– Ну а власть у вас в районе какая-нибудь есть?

– Не знаю. Отца в армию неделю назад забрали, про Пинск не слышала ничего.

Александр сидел в полной растерянности. Ладно бы контузия была, а то ведь – сорок первый год! А может, девушка ненормальная, а он ей поверил...

– Радио работает?

– Нет, конечно, – вздохнула девушка.

Надо зайти к соседям, у них узнать.

Александр встал, поблагодарил девушку за угощение.

– Как тебя звать, красавица?

Щеки девушки вспыхнули румянцем – так в деревне ее никто не называл.

– Олеся.

– В деревне живет еще кто-нибудь?

– Одни старики и старухи остались. Из молодежи до войны одна я была. А мужиков в армию призвали. Вы-то почему не в армии? Или больной?

– Ага, больной, – отшутился Саша.

– А с виду – так и не скажешь, – покачала головой Олеся.

– Подскажи-ка, Олеся, в какую сторону шоссе?

– А вам какое? Если на север, то будет Минское, до него часа три пешком. Если на юг, так Пинское будет, до него поближе – часа два идти. И железная дорога там же.

Александр снова уселся и задумался. Если все услышанное от девушки – правда, то надо обдумать ситуацию. Идти к своим, прорываясь через линию фронта? Далековато, а главное – если и выйдет, так документов нет, назвать адрес и место работы не может. Ведь НКВД проверять будет, а в отделе кадров метрополитена гражданин Дементьев Александр, тридцати шести лет, москвич, не судимый, беспартийный – не значит. Стало быть – шпион! И по законам военного времени его – к стенке! Александр передернул плечами, представив такую перспективу.

Еще вариант – отсидеться здесь, в этой Богдановке. Но рано или поздно сюда заявятся немцы. Кто такой? Почему здорового мужика в армию не взяли? А может – партизанить оставили? Перспектива незавидная.

А впрочем... Его в мирное время готовили к разведывательно-диверсионной деятельности во вражеских тылах – на случай войны. Сейчас война, и тыл самый что ни на есть вражеский. Он хоть и не призван, но, попав в непредвиденную ситуацию, должен действовать по совести, по велению души и в соответствии с его представлением о воинской чести. Враг топчет его землю, убивает его соотечественников, значит – и поступать ему надо соответственно.

Правда, спецназ действует по заданию разведупра. Рейды короткие: выброска в тыл врага, проведение акций и возвращение к своим. Сейчас же у него рации нет, начальства и задания нет – даже оружия нет. Но это еще не повод сидеть сложа руки. И Богдановка эта как база хороша. Местность глухая, лесистая, с болотами, по обеим сторонам в отдалении

– шоссейная и железная дороги. Тяжелая техника здесь не пройдет, а самому спрятаться можно запросто. Вот только загвоздка остается – как легализоваться. Он сейчас не в рейде, сколько времени пробудет – неизвестно, надо же где-то есть, мыться, в конце концов, чтобы не отличаться от людей.

Александр посмотрел на Олесю, спокойно занимавшуюся домашними делами.

– Вот что, Олеся. Можно я у тебя какое-то время поквартирую? Только вот платить мне нечем, могу лишь натуральной оплатой: забор там поправить, травы для коровы накосить, дров наколоть. Мужик-то в хозяйстве всегда надобен.

На некоторое время повисла тишина. Было видно, что девушка удивлена. Она думала – беженец, да еще без памяти, контуженый, а он пожить просится. На бандита вроде не похож, хотя сама она их никогда не видела. Места в избе хватает, но... деревенским только повод дай для пересудов.

– Ну хорошо, – неуверенно ответила Олеся. – Однако спать вы будете не в избе, а на сеновале, на заднем дворе. И чур только – не курить.

– Я вообще не курю.

– Тогда договорились. Подождите, я сейчас вас отведу.

Девушка вытащила из сундука дерюжину, подушку, тонкое одеяльце и все это вручила Саше.

– Идите за мной.

Они вышли из избы, повернули на задний двор, миновали коровник. На отшибе стояли баня и сарай.

Девушка шла первой, Саша – сзади и невольно любовался фигурой Олеси.

Хозяйка распахнула широкую дверь. Одна половина сарая была пуста, в другой находилось сено.

– Здесь и располагайтесь.

– Спасибо, – Саша разостлал на сене дерюжку, бросил на нее подушку и одеяльце.

В сарае одуряющее пахло разнотравьем.

– Как вас звать-то?

– Ой, извините – забыл представиться. Александр, тридцать шесть лет, москвич.

– У-у-у! Старый уже! – рассмеялась девушка.

Александр чуть не поперхнулся. Это он-то в свои тридцать шесть – старый?! А с другой стороны – он ведь ее в два раза старше. И вообще – все относительно. Перед самым призывом в армию ему тридцатилетние казались почти дедами.

– Отдыхайте сегодня, Александр, завтра за дровами пойдем.

– Слушаюсь, хозяйка! – Александр шутливо поклонился.

Олеся ушла. Саня же улегся на дерюжку и закинул руки за голову – так легче думалось. Во-первых, надо придумать легенду – кто он и как сюда попал. Во-вторых, что Олесе сказать соседям, если они поинтересуются ее постояльцем?

Если беженец и идет из Бреста, от родни – то почему бы ему не вернуться к ним? Не пойдет. Тогда – версия о разбомбленном поезде. Правдоподобно, по крайней мере – для Олеси. Она пока вопросов не задавала, но спросит обязательно, женщины – народ любопытный.

А вот соседи? Чужой человек в деревне замечен сразу, это не Москва или Питер, где жильцы подъезда не всегда знают соседей. Если сказать, что родственник, то почему живет на сеновале, а не в избе?

Александр перебирал один вариант за другим, пока не остановился на дезертире... Уклонился, мол, от призыва в Красную армию, не хочет служить ни Сталину, ни Гитлеру. Вот и подался к дальней родне в глухомань, от любых властей подальше. Учитывая, что

в Западной Белоруссии, не так давно присоединенной к СССР после известного договора Молотова – Риббентропа, жители еще не очень верили Советам, это могло пройти.

До самого вечера Александр обдумывал свою легенду, поведение и будущую деятельность. Не такой он представлял себе войну – в отрыве от своих, без боевого задания, и самое паршивое – без поддержки и сроков возвращения.

Но и преимущество у него в отличие от пехотинца или танкиста было. Его этому учили! Для рядового любой армии попасть в окружение – стресс, ситуация нештатная, из которой нужно выбираться. А для диверсанта – норма.

Одно уязвимое место, правда, в его плане есть – Богдановка. Спецназ ГРУ – это разведка тактическая, армейская. Забраться в ближний тыл, километров за сто-триста, навредить посильнее и уносить ноги.

Это первое управление КГБ, переросшее затем во Внешнюю разведку, занимавшееся разведкой стратегической с агентами под прикрытием – теми же дипломатами, журналистами, торговыми представителями. И агенты-нелегалы тоже у них – вроде небезызвестной Анны Чапман. Скрупулезная работа, подготовка годами ведется, и работать нелегалу приходится в чужой стране десятилетия, а то и всю жизнь. Изучать страну внедрения надо тщательно, знать все мелочи, на которые в обыденной жизни внимания не обращают, а внимательный взгляд меж тем сразу заметит: ботинки не так зашнурованы, сигарету не так затушил, швейцару чаевых много дал, машину припарковал не как, скажем, француз.

В каждой стране свои особенности. Если итальянец, то почему пасту не любишь? А парень, может, и слово-то это впервые услышал в разведшколе – вырос на картошке. Откуда ему знать, что паста бывает с сыром разных сортов и с прочими приправами? Нет, стратегическая разведка – иной уровень, своего рода высший пилотаж при максимальном самоотречении и самопожертвовании. И построена она фактически на патриотизме, поскольку оплачивается не по результату. Кто припомнит хоть одного разведчика, ставшего олигархом? И славы там не заработаешь. Только единицы из них становятся известными, да и то после громких провалов. Спецназ же – другое: своего рода боевики, кулак, бьющий в уязвимое место врага. Ударил – отошел. В положении же Александра отходить некуда. Родни нет, документов нет. Для немцев он однозначно враг, для своих – неизвестно кто, человек ниоткуда. Ни одну серьезную проверку среди своих в НКВД он не выдержит. Такого лучше в лагерь определить или расстрелять.

Потому по мере размышления его убеждение остаться в немецком тылу только окрепло. Но вот проблема – где развернуть свою деятельность? Ведь даже волк не режет овец вблизи своего логова. Так и ему надо вести боевые действия вдали от Богдановки.

И опять вставала масса вопросов: где хранить оружие, взрывчатку – не на сеновале же? В том, что он быстро обзаведется необходимым, Саша просто не сомневался. Ведь что такое «спецназ»? Профессиональные убийцы! Точно так же в других странах. Война и разведка с диверсиями не делаются в белых перчатках. Это – тяжелый, грязный, кровавый труд.

Долго вертелся на дерюжке Александр, думы тяжкие в голову лезли. Начать с того, как он здесь оказался. Почему именно он? Или это связано со взрывом в аэропорту? Жив ли Антон или не успел дойти к месту взрыва? Эх, подойди он немного попозже – ну хоть на минуточку, сейчас бы уже сидели с Антоном за столом, в однокомнатной Сашиной квартире, что в проезде Соломенной сторожки, вспоминали молодость.

Все-таки сон сморил. Саша всегда следовал золотому армейскому правилу: солдат спит – служба идет, ведь неизвестно, когда еще удастся поспать вдоволь.

Утром он проснулся от незнакомых звуков, пытаясь понять, что это. Как оказалось – Олеся доила корову, и тугие струи молока били в подойник.

Все-таки Саша до мозга костей горожанин. Научили его в спецназе многому: ходить бесшумно по лесу, маскироваться, сливаясь с местностью, выживать, питаясь съедобными

растениями да разными жучками-червячками. Но живую корову он видел только издалека, из окна машины, а как доят – не видел никогда.

Встал быстро, сложил в узел подушку и одеяло. Выскочил во двор, по-быстрому сделал физзарядку, обмылся у колодца. Водичка чистая, вкусная, но ледяная – аж зубы ломит.

Из коровника Олеся вышла с полным подойником молока.

– Доброе утро, Олеся!

– Доброе, Саша! Идите в избу, завтракать пора.

Они поели вчерашней вареной картошки, попили парного молока с домашним караваем.

– Вот что, Олеся. Если в деревне кто спросит про меня, говори – дальний родственник, от призыва в Красную армию скрывался. А теперь – и от немцев. И называй меня на «ты» – родственник все-таки, если ты, конечно, согласна.

– Хорошо. Теперь – в лес. На сеновале веревки на стене висят, возьми.

Саша сходил, снял со стены сеновала связку коротких веревок, искал глазами топор – не нашел. Странно: идти в лес за дровами – и без топора и пилы. Однако Олеся лучше знает – она местная. Как говорится, в каждой избушке свои погремушки. Его дело – хозяйке с дровами на зиму помочь. Впрочем, печь топится и летом, готовить-то надо на печи... А газа в деревне отродясь не было. К тому же вылазка в лес ему полезна – подходы к деревне запомнить надо, на местности сориентироваться. Карты, даже самой захудалой, ведь нет, и придется все запоминать.

Далеко идти не пришлось, лес был рядом.

Олеся и Саша собирали валежник. Потом они увязали его в две вязанки, причем для себя Саша связал прямо-таки огромную, едва поднял.

– Смотри не надорвись, беженец, – пошутила Олеся, – лечить я не умею.

Однако Саша отмолчался и продолжал тащить вязанку. «Лучше бы пилу взять, – подумал Саша, – валежник нести неудобно – широкий, цепляется за кусты, а в печи прогорит быстро. Не то – попиленные деревья: и жару больше, и горят дольше. Еще бы тележку для перевозки не мешало. Ага, еще бы грузовичок тебе», – усмехнулся своим мыслям Александр.

Поход в лес занял полдня. Еще часа два Саша рубил валежник, чтобы в печь вошел. Куча дров получилась изрядной.

– Да здесь на неделю хватит! – радостно всплеснула руками девушка, увидев результаты его труда.

Довольный похвалой, Саша оглядел кучу дров и солидно сказал:

– Пилу бы да тачку или тележку какую-нибудь – на зиму дров запасти надо, валежником не натопишь.

– Отец еще угля на зиму брал, да где ж его сейчас возьмешь? Война! Мой руки, кушать будем.

Пока Саша рубил валежник, Олеся приготовила драников, выставила на стол розоватое, тонкими ломтиками порезанное сало, малосольные огурчики.

Когда Саша уселся за стол, Олеся обвела глазами угощение и горестно вздохнула:

– Эх, был бы отец дома!

– Не горюй, – отозвался Александр, – вернется еще твой батька.

– Когда-то это еще будет...

– Погоним немца – вернется!

– Боюсь я! Вон, война только началась, а немцы уже куда продвинулись! Вот ты взрослый – объясни мне, почему Красная армия отступает?

– Врасплох они нас застали, – привел ставший потом расхожим аргумент Саша.

Не мог же он, в самом деле, рассказать ей о чистках в армии 37–39-го годов, когда были репрессированы командиры армий, дивизий, полков, а также о том, что на их место

встали неопытные, малообразованные партийные выдвиженцы, ничего не понимающие в тактике и тем более в стратегии. И о многих других причинах вроде сталинского приказа «не поддаваться на провокации». В ангарах стояла боевая техника, но горючего и боеприпасов к ней не было. Мало того, военно-служащие не умели с новой техникой обращаться: в баки дизельных танков заливали бензин, коим питались Т-26 и БТ. Таким образом, много техники было выведено из строя.

А укрепрайоны вдоль старой государственной границы? После пакта Молотова – Риббентропа из дотов было снято вооружение, а сами укрепления разрушены. Новые же никто построить не успел, да этим и не особенно заморачивались – ведь существовала сталинская доктрина: врага будем бить на его территории, победим малой кровью! Дозакидались шапками!

Саша набил рот драниками со сметаной. Ну и вкуснятина! Умеют же белорусы делать из картошки, бульбы по-ихнему, прямо-таки объедение! Прожевав, спросил Олесю:

– Никаких сообщений с фронтов нет?

– Сама бы хотела знать, да радио не работает. А почему врасплох застали? – вернулась она к прерванному разговору. – Ведь товарищ Сталин должен был предвидеть, знать.

– Я же за него тебе ответить не могу, – резонно рассудил Саша. – Да, я после обеда пойду пройду по округе.

Олеся покачала головой, осуждая. Какие могут быть прогулки, когда война?

Пообедав, Саша поблагодарил Олесю и, выйдя из избы, не спеша направился из Богдановки на юг. Через полчаса он добавил шагу, а потом и побежал, благо дорога была хоть и грунтовой, но ровной. Бежал ровно, сохраняя дыхание.

Неожиданно для него за деревьями раздался перестук колес. Александр метнулся к ближайшим кустам и, пригибаясь, осторожно двинулся вперед.

Через полсотни метров деревья кончились, и открылась насыпь с железнодорожными путями. На рельсах стояла ручная дрезина, возле нее – два немца, и, судя по тому, что они осматривали рельсы и стрелочный перевод – явно технических специалиста. Один, в очках, похоже, был старшим – на ремне у него висела кобура с пистолетом. У другого, долговязого, за спиной болталась винтовка «Маузер 08К».

Пока Александр соображал, как подобраться поближе и остаться при этом незамеченным, немцы уселись на дрезину и взялись за рычаги. Постукивая на стыках рельсов колесами, дрезина медленно укатила за поворот.

– Ваше счастье, фашисты, задержись вы немного – и я бы забрал ваше оружие, – процедил огорченный Александр.

Впрочем, два немца – слишком незначительная цель. Со слов Олеси, недалеко должна быть небольшая станция Лобча. Надо разведать, что творится на ней.

Александр вышел на тропинку, ведущую вдоль насыпи, и едва успел пройти сотню метров, как далеко позади услышал шум приближающегося состава. Впереди пыхтел паром паровоз. «Тьфу, по своей земле ходить не дают!» – Александр снова нырнул в кусты.

Через несколько минут мимо, натужно пыхтя, прокатил паровоз – советский, серия «ФД», за ним – длиннющий состав, почти сплошь из платформ, на которых стояла укрытая брезентом военная техника.

– О! Вот эта цель по мне! Только мины не хватает – так это дело наживное...

Состав стал сбавлять ход, заскрежетали колодки, запахло жженым железом. Медленно втянувшись на станцию, эшелон остановился.

Александр прошел следом, затем взобрался на дерево – залез повыше. Отсюда станцию было видно, как на ладони.

Она была небольшой – всего три пути. На двух стояли составы. На одном – только что пришедший эшелон с платформами, на другом – цистерны, наливник. «Вот бы на него

наши бомбардировщики навести! – с досадой подумал Саша. – Но радики нет, да и позывных я не знаю».

Он наблюдал и запоминал. У входных стрелок прохаживается часовой, у выходных, скорее всего, – тоже. А есть ли они по периметру – отсюда не видно. Скорее всего, немцы не успели поставить. «Это мне на руку», – обрадовался Саша.

Снизу послышался шорох. Александр перегнулся через ветку. Внизу, под деревом, улегся молодой парнишка лет четырнадцати-пятнадцати. Занятно! Чего бы ему тут лежать, хоронясь? Ну и шел бы себе по делу.

Паренек немного понаблюдал со станцией, потом вытащил из-под рубашки две немецкие гранаты с длинными деревянными ручками, прозванные на фронте «колотушками». Слабоватые, с большим временем горения запала после выдергивания чеки, чем нередко пользовались наши бойцы. При падении такой гранаты в наш окоп бойцы успевали схватить ее и швырнуть обратно. Правда, и немцы вскоре нашли «противоядие». Выдернув чеку, они секунду-другую держали гранату в руке и лишь потом бросали.

Паренек явно затевал теракт, намереваясь швырнуть гранаты в немцев. Пока кидать было не в кого, но в любую минуту могла показаться ручная дрезина или пройти патруль. Если начать медленно слезать с дерева, паренек мог испугаться и убежать. Окликнуть? Эффект мог оказаться таким же. Надо прыгать, чтобы застать его врасплох.

Александр медленно, стараясь не произвести шороха, стал спускаться, наблюдая за пареньком. Пока тот ничего не заподозрил.

Когда высоты осталось метра четыре, Александр оттолкнулся от дерева, приземлился на полусогнутые ноги и сразу упал на бок. Перекатился и навалился на пареньку, не давая ему возможности вытянуть вперед руки и схватить гранаты.

Паренек был настолько ошарашен неожиданным появлением Александра, что даже не дергался.

– Лежи тихо, не то пришибу! – пообещал Александр. – Ты кто такой?

– Отпустите меня, дяденька, – заныл паренек, – я просто мимо проходил.

– Ну-ка, потише! Ага, мимо проходил, прилег отдохнуть, а гранаты рядом положил.

Так?

Паренек лишь шмыгал носом.

– Как тебя звать?

– Мыколой.

– Где гранаты взял?

– С грузовика украл. На дороге машины немецкие стояли, в кузове – ящики. Я думал – консервы в них, упер ящик. А там... – парень головой показал на гранаты.

– И немцы тебя не видели?

– Не-а. Они уехали сразу же.

– Повезло тебе, парень. Если бы заметили – застрелили.

– Так не заметили же!

– Сейчас-то их чего сюда принес?

Паренек насупил и молчал.

– Ага, в героя решил поиграть. Погибнешь по-дурному ведь!

– Зато хоть одного гада убью! – В голосе пареньки появилась злость.

– Э – нет, так не пойдет! Ты одного убьешь, тебя убьют, и счет будет «один-один». А ты убей сто и останься в живых.

– Умный больно! Сам-то почему не в армии?

– Не твое дело. Хочешь серьезный урон немцам нанести?

– А то!

– Где твой ящик с гранатами?

Парень отвернулся – не хотел отвечать.

– Вот что, Коля. Неси еще штуки три-четыре и кусок веревки. Найдешь?

– Найду! – дерзко ответил парень.

– Тогда чего лежишь? Неси! Я здесь ждать буду.

– А не обманешь, дяденька?

– Ты еще здесь?

Паренек вскочил и скрылся между деревьями.

Начало смеркаться. Прошло полчаса, час... «Не нашел меня или мамка не отпустила», – подумал Александр. И почти сразу недалеко зашевелились кусты.

– Дядько, вы где?

– Тише ты, ползи сюда.

Шумно, как кабан на тропе к водопою, подобрался Мыкола. Из-за пазухи он достал четыре гранаты и кусок бельевой веревки. Самое то!

Александр веревкой стянул все гранаты в связку, причем одну гранату – ручкой в другую, противоположную от остальных сторону.

– Это что будет? – спросил Мыкола, до того внимательно глядевший за действиями Александра.

– Называется – связка. Одна граната слабая, а вместе – уже кое-что. Хочу во-о-от тот эшелон с цистернами взорвать.

– Ой, дядько, не ходи! Там немец с винтовкой, часовой ихний.

– Поможешь?

Парень кивнул.

– Тогда делаем так. Берешь гранаты и идешь со мной. Когда до часового останется немного, я дам знак. Будешь лежать тихо и считать. Как отсчитаешь две минуты, так шумни.

– Крикнуть, что ли?

– Ни в коем случае. Кинь камешек.

– Куда?

– Куда хочешь. Нужно, чтобы немец услышал и в твою сторону повернулся.

– Понял. А потом?

– Любопытный ты. А потом я тебя позову. Берешь гранаты – и ко мне. Все понял?

– Все.

– Тогда идем.

Уже стемнело, и они пошли по тропинке вдоль железной дороги открыто, не скрываясь.

Но вот впереди показалась тускло освещенная входная стрелка. За ней едва проглядывались цистерны.

– Уходим с тропинки в лес, – скомандовал Александр.

Они подошли к началу станционных путей совсем близко. Черт! Он не смог приметить время смены караула – отвлекся на парня.

– Вот что, Мыкола, – прошептал он парню на ухо, – теперь сиди здесь тихо, как мышь, и считай. Потом бросишь камешек.

– Я помню, – едва слышно прошептал в ответ Мыкола. Парня колотила крупная дрожь.

Александр упал за кусты и быстро пополз к входной стрелке. Тусклый огонь ее фонаря служил ему ориентиром. Он замер слева от стрелки, напряженно вглядываясь в темноту. Где-то здесь находится часовой – вот только где он? Ни огонька от сигареты, ни запаха табачного дыма, ни движения. Ну не может такого быть, чтобы педантичные немцы пренебрегли охраной. Да, они сейчас рвутся вперед, считая, что смятые первым ударом советские части будут отходить, оказывая слабое сопротивление. Командиры их в эйфории от первых побед, внимание к тылам и коммуникациям ослаблено. Но ведь есть устав и порядок, и, следуя его духу и букве, тут должен быть часовой.

Секунды тянулись, а немец себя не обнаруживал.

Наконец по рельсу едва слышно ударил камешек. Почти тут же раздались шаги. Из-за цистерны вышел часовой. В руках он держал винтовку с примкнутым штыком. По матовому отблеску от фонаря стрелки Александр определил его положение.

Немец, всматриваясь в темноту, громко сказал:

– Хальт!

Александр, предусмотрительно снявший туфли, в одних носках подобрался к часовому сзади. В последнюю секунду немец почувствовал опасность и попытался повернуться, но Саша резко ударил его ребром ладони по шее. Немец обмяк, пошатнулся, а Саша схватил обеими руками его голову и резко крутанул в сторону и вверх. Раздался хруст. Готов!

Выпавшая из рук немца винтовка ударилась о рельс, громко звякнув.

Саша подхватил немца под мышки и потащил в сторону. Господи, он только сейчас заметил, как подошвам ступней больно от гравия!

Немца он швырнул за стрелку, в темноту.

Где-то тут он снимал туфли. Александр начал шарить руками, нашел свою обувь, обулся. Вот теперь он готов воевать!

Александр сделал несколько шагов в сторону Мыколы, однако паренек сам вышел ему навстречу.

– Дядько, ну что?

– Я же приказал – меня ждать.

– А вдруг тебя уже убили?

– Тогда тебе уходить надо было.

– Нет уж, я бы гранаты кинул, – парень показал связку гранат в руке.

– Давай их мне, а сам уходи отсюда. И чем быстрее, тем лучше – сейчас здесь будет жарко. Смотреть можно, но издалека.

Парень нехотя отошел.

– Да уходи же ты, мешаешь, – свирепо прошипел сквозь зубы Саша. А сам повернулся и побежал к стрелке.

Положив связку гранат под фонарь, чтобы было видно, он подобрал винтовку, бросился к немцу, расстегнул на нем ремень с подсумками и нацепил их на себя. Потом подхватил связку гранат и, не таясь, побежал вдоль эшелона. У третьей от хвоста цистерны остановился и повернул в сторону. Пожалуй, хватит.

Саша сорвал с плеча винтовку, на затыльнике затвора перекинул флажок предохранителя, передернул затвор и тут же выстрелил в середину цистерны. Почти сразу же раздался журчащий звук, остро запахло бензином.

На здании станции вспыхнул прожектор, завывла сирена.

Саша взялся за связку гранат, открутил фарфоровую пробку в рукоятке и дернул ее. Услышав щелчок взрывателя, что было сил швырнул гранаты к цистерне и упал ничком.

– Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, – шептал он, считая секунды.

Раздался взрыв, ослепило вспышкой.

Честно говоря, Саша ожидал большего. Но от пламени взрыва воспламенился вытекший из пробитой цистерны бензин. Скоро здесь будет бушующее, всепожирающее пламя, настоящий ад.

Со стороны вокзала слышались крики, топот бегущих солдат. Саша подхватил с земли винтовку и бросился бежать прочь от станции. Увидеть его за стеной бушующего пламени было невозможно, и он бежал по тропинке, не скрываясь.

Пробежать успел метров триста, когда из кустов его окликнул знакомый голос:

– Дядько, ты жив?!

И столько было радости и ликования в его голосе, что Саша остановился.

– Уходи, Мыкола. Тебе сейчас со мной нельзя – опасно.

– Я с тобой воевать хочу!

– Не могу тебя с собой взять – один я. Иди домой, мать небось переживает. Давай завтра встретимся у Белого озера. Знаешь такое?

– Знаю.

– Тогда вечером.

– Не обманешь, дядько?

– Слово даю!

Паренек сорвался с места, пересек пути и исчез в лесу. Опасно втягивать его во взрослые игры, но с Сашей он хотя бы под контролем будет. Паренек боевой, рвется немцам насолить и сам по глупости куда-нибудь влезет.

Саша обернулся. Полнеба было освещено заревом. Потом раздался взрыв, за ним – еще один. Вверх взметнулось пламя. «Все, разгорелось, теперь не потушат! – злорадно подумал Саша. – Не зря день прошел. Теперь надо сматываться, и как можно скорее».

Саша бежал по дороге, пока не споткнулся о корень дерева и не упал. А после удара в мозг как высветило: чего же он напрямик в Богдановку бежит? Или совсем забыл все премудрости, которым учили в спецназе? Насколько помнил Александр, слева от дороги была небольшая речушка. Вот туда он и направился.

Память его не подвела, речушка оказалась именно там. Метра четыре шириной, едва по пояс, да и то не везде. По ней и пошел Саша. Кто его знает, вдруг у немцев есть собаки? А у него на такой случай даже махорки нет – следы посыпать. Едва не прокололся. «Старею, все забыл!» – укорял себя Александр.

Так он шлепал по воде не меньше километра, а совсем перед селом выбрался из реки, весь мокрый. Потихоньку пробрался в свой сарай, повесил сушиться на веревку мокрую одежду, сам же улегся на дерюжку и – спать. И так от ночи едва половина осталась, да и устал с непривычки.

Проснулся он от ударившего в глаза света. Открыл глаза и зажмурился: дверь распахнута, и в лицо солнечный свет бьет. А в дверном проеме Олеся стоит, и тоненькое платье солнечные лучи насквозь пронизывают, не скрывая фигуры. Аж залюбовался Саша, не в силах оторвать взгляда от грациозного стана юной девушки.

– Поднимайся, родственник! Уж солнце давно встало, лентяй!

Взгляд девушки упал на веревку с сохнувшей одеждой. Олеся подошла, пощупала волглые брюки и рубашку, спросила недоуменно:

– Сырая-то одежда отчего? Дождя несколько дней не было.

– Оступился в ручей вчера вечером, – только и нашел, что сказать ей в ответ Саша.

Он присел на дерюжке и пяткой старался как можно незаметнее протолкнуть подальше в окно винтовку, приклад которой предательски выглядывал.

– Хм, ну ладно. Умывайся, и идем завтракать.

Олеся вышла, а Саша перевел дух. Впредь надо быть аккуратнее. А если бы кто чужой вошел?

Он ногой протолкнул винтовку подальше в окно – после завтрака надо найти ей удобное укрытие. На улице ее не спрячешь – заржавеет, если дождь пойдет. А без оружия нельзя. Великовата винтовка, пистолет бы раздобыть. А уж автомат – так совсем красота. Только доставать их придется с боем, просто так их никто не отдаст.

Пока он умывался во дворе, подошла Олеся.

– Вот, возьми отцову одежду, пока твоя сохнет.

– Спасибо!

Саша натянул старые штаны и застиранную почти до белизны, но без дырок, рубашку. Оглядел себя: сгодится, теперь от местного не отличить, а то джинсы выделяли его среди местных, а ему, наоборот, надо с ними слиться.

Они поели драников, запили молоком.

– В лес пойду, за дровами, – поблагодарив Олесю за вкусный завтрак, заявил Саша. Взяв веревку и топор, он отправился в лес, только сегодня – в другую сторону. Необходимо было изучить все подходы к деревне, чтобы не заблудиться ночью.

Александр прошелся по лесной дороге, запоминая повороты и укромные места вроде вывороченного пня.

Свалив дерево-сухостой, он порубил его на куски и, связав вязанку, понес к дому Олеси.

Едва он подошел к сараю и свалил вязанку с плеч, как из избы выскочила Олеся.

– Ой, а я новость услыхала! Представляешь, у немцев в Ловче целый эшелон сгорел. Взрывалось и горело ужас как! Говорят, даже в Дубовке и Борках зарево видно было.

Олеся наклонилась поближе к Александру и прошептала:

– Говорят, партизаны... Целый отряд налетел на станцию. Немцев постреляли, а эшелон сожгли.

– Да ну, враки! Откуда тут партизанам так быстро взяться? Война всего две недели идет. Наверное, наши с самолетов разбомбили.

– Ага, как же! – горячилась Олеся. – А почему никто самолетов не слышал? – Она посмотрела на Александра, как на неразумное дитя, пожала плечами и ушла в избу.

Ладно, пусть думает, что хочет, лишь бы на него подозрение не пало. У женщин язык длинный, сболтнет соседям – пиши пропало. Обязательно найдется паскуда, немцам донесет.

Саша поколот дрова, сложил их в поленницу под навес, сунул топор за пояс и снова отправился в лес, на дорогу, и ходко – по ней. Где-то там должно было быть озеро Белое.

Впереди забренчал колокольчик. Александр сбавил ход и пошел уже неспешной походкой. Осторожность его оказалась нелишней.

На полянке паслись две козы, на шее которых висели на веревочках маленькие колокольчики. Они позванивали при каждом движении.

Коз пас старик с седой окладистой бородой.

– Здравствуйте, дедушка, – поприветствовал его Саша.

– И тебе доброго дня, сынок.

Дед пытливо всмотрелся в лицо Александра подслеповатыми, выцветшими от времени глазами, пытаясь припомнить, чей это сын.

– Не подскажете, где озеро Белое?

– Э, сынок, по дороге к нему не пройдешь. Дорожка эта скоро кончится – версты через две. Там еще два пня рядом стоять будут. Так ты прямо не ходи – топь там, сгинешь. От пеньков направо тропка идет, вот она тебя к озеру-то и выведет.

– Спасибо, добрый человек, за совет! – Саша приложил руку к сердцу.

Едва дед с козами скрылся из виду, как он побежал. По его прикидкам, до озера еще час быстрым шагом, а ему надо успеть осмотреть берега, подходы. Лучше перестраховаться, вдруг Мыкола попался и на встречу немцев приведет? Конечно, не должно бы, но береженого бог бережет.

Когда Александр уже притомился слегка и хотел сделать привал, открылось озеро. Небольшое – около километра диаметром, почти круглое, берега камышом да осокой поросли.

Не поленился Саша, по берегу вокруг обошел, подмечая – нет ли окурков или свежих следов на траве? Место глухое, отдаленное, могли и окруженцы тут остаться. Землянку или

блиндаж тут не вырыть – почва влажная. Но так лето же сейчас, можно в шалаше жить. Одно плохо – комарье донимает. Пока бежал, все хорошо было, а как пошел неспешно, враз лицо и руки облепили, живодеры-кровососы.

Александр зачерпнул у берега илистой грязи и вымазал ею лицо и руки. Заметен не так будет, да и комары меньше донимать станут. Ха, двойной эффект в одном флаконе.

Он выбрал себе удобное местечко – рядом с тропинкой, где репейник погуще рос, да и заполз в него. Сверху листья широкие нависают, закрывают от взглядов. Близко стоять будешь и не углядишь.

Немного повозившись, Александр выбрал удобную позу и замер. Теперь вся надежда на слух. А комарье над ним так и вьется, так и звенит.

Прошел час, пошел второй... Александр поглядел на часы. Есть охота, пора бы уже парню быть.

Заверещали сороки в лесу, смолкли птицы. Значит, приближается кто-то.

Вскоре послышались шаги. На тропинку вышли двое, остановились в шагах десяти от Александра.

– И где, Мыкола, твой партизан?

– Обещал быть, – шмыгнув носом подросток.

Александр сразу узнал его голос. А вот кто второй? Саша медленно отодвинул лист лопуха.

Рядом с Мыколой стоял мужик вполне призывного возраста в гражданской одежде. Что ж ты не в армии, дядя? Нет, надо еще понаблюдать, терпения ему не занимать.

– Ох, комары жалят, брат.

«Неужели брата привел? Вон, братом назвал».

– Может, костерчик развести?

– Ты шо, сказывся? Дым издали виден будет. Терпи!

Оба еще немного потолкались на берегу озера, но через полчаса терпение их иссякло.

– Нет, не придет твой знакомый. Видно, обманул он тебя или просто не захотел. Домой надо идти, стемнеет скоро.

«Пора выходить, – решил Александр. – Зачем-то ведь Мыкола привел мужика?»

Он поднялся и неслышно сделал несколько шагов:

– День добрый!

От неожиданности и испуга оба подскочили.

– Тыфу ты, испугал!

– Здравствуй, дядько! – это Мыкола. Он явно обрадовался встрече.

– Тогда знакомь меня, Мыкола.

– Мой двоюродный брат, Михась, – представил Мыкола своего спутника. – Между прочим, на железной дороге работает.

Мужчины пожали друг другу руки, испытующе глядя в глаза.

Михась Александру понравился: взгляд спокойный, уверенный, рукопожатие сильное.

– Мне тут Мыкола рассказал трошки о вчерашнем, – начал Михась.

– А что вчера? Ничего и не было! – заметил Александр.

– Как не было? А взрывы? Народ только об этом и говорит.

– Цистерны сгорели? Так это случайность!

– Не сами же они загорелись!

– Ты лучше скажи, что немцы делают!

– Говорят, что это вылазка окруженцев. Мол, разрозненные части красных пробиваются к своим, вот и устроили пожар. Испорченные цистерны они тягачами сбросили с путей. А на всех станциях охрану усилили.

– Ты кем работаешь?

– И при советской власти, и при немцах – кочегаром на паровозе. Как немцы пришли, сразу всех переписали, кто на железной дороге работал, и обязали выйти на свои места. Начальник станции – немец, охрана тоже немецкая, из тыловиков. А остальные – наши.

– Занятно!

– Стало быть, все сам, своими глазами видишь?

– Не больно-то посмотришь. Кроме паровозной бригады – машиниста, его помощника и кочегара – на каждом паровозе немецкий охранник едет, с оружием. Смотрит, как бы мы чего не натворили.

– Не доверяют, стало быть? А сейчас-то чего пришел?

– Познакомиться хочу, может, в чем-то полезным могу быть.

– Можешь. Во-первых, посмотри, что возишь, какие грузы. Во-вторых, взрывчатка нужна. Сможешь достать?

– Постараюсь, но сам понимаешь – сложно.

– Было бы просто, в магазине бы купил.

– А сколько надо?

– Чем больше, тем лучше. Чтобы мост взорвать или эшелон под откос пустить, килограммов пять-семь надо.

– А я знаю, где взрывчатку взять можно, – вмешался раньше молчавший Мыкола.

Мужчины повернулись к нему.

– В урочище, где грибы в прошлом году собирали, ящики со снарядами есть. Много!

– А ты откуда знаешь?

– Видел, – огрызнулся Мыкола.

– Вот что, Мыкола. Ты потихоньку припрядь их в укромное место – только чтобы не видел никто. Потом мне покажешь.

– А не взорвутся? – опасливо спросил Михась.

– Если взрыватели не стоят, не опасно. Снаряд – он опасен, если им выстрелили, да он не взорвался. Давайте договоримся: через три дня соберемся у Ловчи – на том месте, где мы с Мыколой встретились. Годится?

– Годится.

Пожав друг другу руки, мужчины разошлись.

Саша шел и рассуждал: «Надо будет сходить с Мыколой, посмотреть, что за снаряды. Они ведь разные бывают. Если бронебойные, так ими не взорвешь ничего – железная болванка. Шрапнельные тоже не подойдут – начинены шариками да вышибным зарядом. А фугасные в самый раз будут. Вопрос только в том, сколько снарядов и какого они калибра».

Глава 2. Аэродром

Три дня Александр изображал из себя домовитого мужика. Натаскал из леса и наколот дров, уложив их поленницей, поправил забор и починил крышу. Дел было немного, видно, батя у Олеси был рукастый, хозяйство содержал в порядке.

Правда, периодически Александр ловил на себе пристальные взгляды Олеси, казалось ему – подозревала она его в чем-то.

И как-то после обеда она открыто спросила его:

– Ты дезертир?

Александр едва не поперхнулся чаем.

– С чего ты взяла?

– Я посмотрела: мужик ты вроде здоровый, вон – дрова из леса едва не по половине телеги носишь, стало быть, здоровье позволяет. И возраст призывной. Тогда почему ты не в армии? За женской юбкой отсиживаешься? – В голосе Олеси звучало явное осуждение, даже презрение какое-то.

– Да нет, – смутился Саша, – не дезертир я. Был у родни, попал под бомбежку. Веришь – забыл все, даже даты забыл.

Олеся хмыкнула, пожала плечами. Разговор прервался, но Саша чувствовал – только на время. Да и в самом деле, чего он тут, в деревне, сидит? Другой бы к фронту шел, к своим пробивался. А Сашу как будто все устраивало. Домашней работой занимается, с деревенскими перезнакомился – вроде он на отдыхе и войны никакой нет.

На третий день он отправился на место встречи с Мыколой. Паренек уже поджидал его. Как увидел – даже поздороваться забыл, видно – распирало новость сообщить, похвастаться.

– Ну, говори уже, вижу ведь – невтерпеж.

– Ага! Ящики со снарядами я снес в укромное место. Тяжелые!

– Посмотреть можно?

– А то! Идем!

Шли около получаса. Сначала по тропинке, потом просто по лесу.

Внезапно Мыкола остановился и гордо сказал:

– Вот, смотри.

И куда смотреть? Ящиков со снарядами нигде не было видно.

Гордый от того, что Александр ничего не увидел, Мыкола подошел к наклоненному дереву и отвел в сторону ветки, прикрывающие схрон.

Александр подошел поближе и едва не застонал от разочарования. Зеленые ящики со снарядами своей маркировкой указывали, что они – осколочно-фугасные к 45-миллиметровой пушке 53К, прозванной на фронте «Прощай, Родина!». Снаряды слабые, для подрыва эшелона или моста непригодные. Конечно, парень старался, и не его вина, что снаряды эти им не нужны. Ему бы 76-миллиметровые осколочные к полковой пушке или 122-миллиметровые, гаубичные.

– Ты чего молчишь, дядько?

– Снаряды слабые, Мыкола. Не взорвем мы ими ничего.

Улыбка на лице Мыколы погасла. Парень старался, таскал такую тяжесть – и зря!

Однако Мыкола, секунду помедлив, коснулся рукава Александра.

– Пойдем, еще чего покажу!

Мыкола провел его к небольшому оврагу, раскидал лежащие грудой на дне его ветки.

– О, блин! – только и вырвалось у Александра.

Перед ним стояла противотанковая пушка, та самая сорокапятка, снаряды от которой он только что видел в ящиках. Видно, пушку бросили при отступлении наши, причем

бросили впопыхах. Сошниками она опиралась на зарядный ящик на колесах, называемый «передком». Постромки от ящика были отрезаны. Видно, обрубили и на лошадях уехали, бросив пушку и передок.

Саша осмотрел пушку. Исправная. Только прицела нет, сняли. Обычно, когда бросали оружие, снимали не только прицел, но и затвор, чтобы им воспользоваться нельзя было. Но на этой пушке затвор стоял. Видно, торопились очень, не успели снять. Почти подарок, но что с ним делать? По танкам стрелять – так их тут нет. Пушечка легкая, приземистая. Бросить жалко, а использовать нельзя.

Мыкола расценил молчание Саши как сомнение.

– Ты чего, дядько? Пушка настоящая! К станции подвести да по эшелону как жахнуть!

– Слаба она по эшелону. И стрелять можно только днем. Наводить по стволу нужно, да и то с близкого расстояния – прицел-то с нее сняли. И сколько мы после такой стрельбы проживем? Немцы очередями из пулемета посекут, и все.

– Тогда пусть стоит, авось пригодится.

– Пусть. Только без ухода заржавеет быстро. Пушке чистка нужна, смазка.

– Эх, жаль! – огорчился Мыкола. – Я думал – у нас пушка своя будет.

– Ты бы лучше самолет поискал, – пошутил Саша.

– А чего его искать? Вон, немецкий аэродром рядом. Самолеты на нем здоровенные – двухмоторные, с крестами.

– Откуда знаешь?

– Сам видел. И моторами каждый день режут – только глухой не услышит.

Что-то щелкнуло у Саши в мозгу. Еще не зная, зачем, он попросил Мыколу:

– Покажешь?

– Да хоть сейчас!

– Тогда веди.

– Далековато.

– У тебя дела?

– Да это я так, к слову.

Дальше они шли молча. Пересекли железную дорогу, потом пошли по грунтовке. А когда вдаль показалось село, обошли его стороной.

– Это Дубовка, – пояснил Мыкола. – Недалеко от нее – поле с аэродромом.

Насчет аэродрома можно было уже не пояснять. Александр сам слышал рев прогреваемых моторов. Из-за перелеска взлетел самолет.

– «Юнкерс-88», – определил Саша. Живьем самолет он не видел никогда – только на кадрах хроники и фото. Двухмоторный бомбардировщик наряду с «Хейнкелем-111» составлял основу бомбардировочных сил Люфтваффе.

– Ты вот что, Мыкола... Посиди здесь, в перелеске, я поближе к аэродрому подберусь.

– Ой, не ходи, дядько! Голое же поле, далеко видать. У них часовые там.

– Я осторожно. Если стрельбу услышишь – сразу тикай отсюда.

Александр лег на траву и пополз к аэродрому.

Собственно, это было ничем не огражденное поле. На нем стояли несколько бомбардировщиков, три большие брезентовые палатки и склад ГСМ с бочками в отдалении. Были и редкие часовые, прохаживающиеся по периметру.

У самолетов возились механики, было видно, как к бомболокам подвешивались бомбы. Где же у них склад с бомбами? Бинокль бы сейчас!

Александр всматривался в аэродромную жизнь до боли в глазах. Так, вот грузовичок поехал от самолета в сторону. Саша не отрывал от него глаз.

Грузовичок остановился, из кузова выпрыгнули трое солдат и начали загружать в грузовик бомбы в решетчатых ящиках. У них – капонир. В земле вырыли большую яму и хранят бомбы там!

Так, это для него неудобно. Хранись ящики на земле, можно было бы выстрелить наудачу, вдруг сдетонируют. Теперь это исключалось.

Саша прополз еще вперед, чтобы рассмотреть все получше, но руки его неожиданно ощутили проволоку. Лоб мгновенно покрылся холодным потом.

Проволока не просто валялась, она была натянута низко над землей. А на концах проволоки – взрыватели от мин. Потянул неосторожно – и ты уже на том свете. Так что, ползи он быстро и небрежно, обязательно бы задел.

И это – еще лучший выход. А если ранен? Обязательно немцы прибегут и добьют. Да и куда с ранами уползешь? От них без медицинской помощи сам загнешься.

Мины Александр снимать не стал – вдруг их ежедневно инспектируют? Пусть все останется нетронутым.

Он высмотрел, что хотел, и только собирался ползти назад, как над головой прошел и сел, подняв пыль, бомбардировщик. Он едва не задел его колесами выпущенного шасси. За ним – второй, третий...

– Ого, сколько же вас! – вырвалось у Александра почти беззвучное восклицание.

Насколько он понял, самолеты вернулись с бомбардировки.

Быть замеченным сверху, с самолетов, он не боялся. У экипажей при приземлении одна забота – точно посадить самолет, и летчикам не до того, чтобы крутить головой по сторонам.

Итак, по времени все сходится. Утром вылет, полет на задание и возвращение на свой аэродром. И сколько аэродромов сменит авиаполк или эскадрилья, передвигаясь в отдалении от линии фронта?

Саша шустро отполз назад, к перелеску, где его с нетерпением ждал Мыкола.

Дождавшись, пока самолеты перестанут летать, они пошли к железной дороге.

Александр молчал, раздумывая. Мыкола же сгорал от нетерпения:

– Ну, видел?

– Видел, – односложно ответил Саша. – Знаешь, по-моему, твоя пушечка может пригодиться.

– А! Что я говорил! Ценная вещь!

– Только помучаемся мы с ней.

– Почему?

– По кочану! Помолчи пока, дай подумать.

В принципе, план обстрела аэродрома возник сразу, как только Мыкола про эти самолеты упомянул. Требовалось все осмотреть на месте, и причем следовало поторопиться. Ведь фронт не стоит на месте, он движется на восток. За ним и бомбардировщики перелетят на новое место. Это истребители с их небольшим радиусом действия базируются относительно недалеко от фронта. А для бомбовозов – в самый раз. Но все равно рано или поздно они перелетят. И если подготовку к обстрелу затянуть, можно опоздать, и все хлопоты пропадут впустую.

С чего начать? Да со снарядов! После обстрела пушку придется бросить на месте. Доставить пушку первой – так укрыть ее негде, перелесок простреливается.

Тогда надо делать две ходки. В одну ночь – со снарядами, в другую – с пушкой. Причем надо ухитриться перекатить пушку за одну ночь, а утром, пока самолеты еще на стоянках, открыть стрельбу. И потом уносить ноги – если получится, конечно.

– Вот что, Мыкола. Встречаемся сегодня же вечером у снарядов. Дорогу я уже найду. Михася с собой привести можешь?

– Постараюсь.

- Только никому не говори.
- Могила!
- Как-то уж очень мрачно клянешься!

Мыкола ушел к себе домой, а Александр направился к тому месту, где находилась пушка. Внешне он ее уже осмотрел, теперь надо проверить – все ли механизмы работают. Вот будет прокол, если они перетащат ее в перелесок, к аэродрому, а она неисправной окажется?

Саша открыл и закрыл затвор, нажал на спуск. Сухо щелкнул боек. Он еще раз открыл затвор, осмотрел ствол. Пыльноват, но для нескольких выстрелов сгодится. Отцепил сошки от передка. У них коней нет, самим тащить пушку придется – зачем им лишний вес? Эх, прицела не хватает, но где же его взять? Как говорится, за неимением гербовой бумаги будем писать на простой.

До прихода Михася еще было время, и Александр прилег отдохнуть – предстояла бессонная ночь. Спал он крепко, но, как только Мыкола приблизился, сразу проснулся.

Мыкола был не один – с Михасем.

Мужчины поздоровались, и Александр сразу задал главный на сегодняшний день вопрос:

- Как можно перетащить пушку через рельсы? Нет ли поблизости переезда?
- Есть переезд, но на нем пост немецкий круглосуточно.

– Тогда отпадает. Наша задача на сегодня – перенести к аэродрому по ящику снарядов и спрятать их там поблизости. А завтра – доставить пушку.

- О! Сподобимся ли? Это не ящик.
- Должны!

Не разговаривая более, они взяли каждый по ящику снарядов, благо – ручки удобные были – и понесли. Сначала казалось – не тяжело, но с каждым пройденным километром ящик вроде свинцом наливался, все тяжелел и тяжелел.

Саша и Михась шли легко – привыкли к нагрузкам, а вот Мыкола притомился. Сначала он нес ящик на руках, потом пристроил его на плечо, наконец – попросил остановиться и передохнуть. Сделали привал.

– Саша, ты что же – из пушки аэродром обстрелять хочешь? – спросил Михась.

– Догадливый, – усмехнулся Саша. – Только аэродром мне ни к чему. Аэродром – голое поле. Я же самолеты немецкие уничтожить хочу.

– А стрелять сможешь? Я ведь тебе не помощник, пушку только издали видел, когда наши отступали.

- Ну вот завтра вечером и пощупаешь ее.
- Чего ее щупать, не девка.

– Да не переживай ты так. Самое тяжелое будет – через пути железнодорожные ее перетащить. А стрелять буду я. Вы мне там нужны не будете. Да и вообще хватит отдыхать, поднимайтесь.

Они понесли ящики снова. На этот раз даже Мыкола стоически дотащил свой ящик до перелеска.

Александр здраво прикинул: зачем нести все снаряды? Трех ящиков хватит. Прицела нет, стало быть, и о скорострельности речь не идет. Да и немцы дремать не будут: если обнаружат, охрана накроет огнем. Хорошо будет, если он успеет пять-шесть выстрелов сделать. Отсюда вывод: снаряды между станин лежать должны – подносчика и заряжающего у него не будет, впрочем, как и наводчика с командиром. Все сам.

С наводкой бы справиться. Из пушки БМП он стрелял, но там прицел был. И стрелять придется как можно быстрее, лишнего времени не будет. Отстреляться и уходить сразу же.

Ящики укрыли в небольшой ямке, забросав их ветками и травой.

– Ну, все на сегодня, парни. Встречаемся завтра вечером в урочище, у пушки.

Они обошли Дубовку стороной и у железной дороги расстались. К себе, в Богдановку, Александр пришел, когда на востоке предутренняя темень уже сменялась серым рассветом.

Проспал он до обеда, и, когда выбрался из сарая и умылся, встретил неприязненный взгляд Олеси. Конечно, с ее точки зрения, дрях всю ночь да еще полдня, а к обеду вылез на свет божий, как медведь из берлоги. С какой стороны ни посмотри – тунеядец и нахлебник.

Под осуждающим взглядом Олеси Александр почувствовал себя неудобно. Он все-таки мужчина, к девчонке прибил, добытчиком и кормильцем вроде как быть должен. Он же захребетником и примачом стал. Пожалуй, после нападения на аэродром придется жилье менять. И уйти самому надо, пока с позором не изгнали. Вещей нет, и потому бросить насиженное место можно легко. Только вот куда идти? Из знакомых – только Мыкола и Михась. У них спросить? Или после обстрела аэродрома идти на восток, к фронту? Хотя какой сейчас, к черту, фронт? Единой линии фронта нет, немцы вдоль дорог идут, и можно найти щелку, просочиться.

Останавливало только то, что нет документов, легенды. Хотя паспортов у деревенских жителей как до войны, так и после нее не было.

Не желая маячить перед глазами Олеси, чувствуя появившийся по отношению к себе холодок с ее стороны, Александр прошел в сарай и прилег на дерюжку. «Похоже, это последние мои часы в Богдановке. Ладно, чему быть – того не миновать. Однако раскрываться перед Олесей я не имею права, даже если буду выглядеть в ее глазах дезертиром, трусом и дармоедом», – с грустью думал Александр.

Отдохнув пару часов, Саша вытащил из-под стрех соломенной крыши трофейный «маузер», задами выбрался из деревни и направился в урочище.

Он пришел первым и, спустившись в овраг, раскидал прикрывавшие пушечку ветки. На броневом листе виднелась табличка «Завод № 8» и порядковый номер орудия.

Близился вечер, но было еще достаточно светло.

Через некоторое время подошли Мыкола и Михась. Александр поприветствовал подошедших товарищей:

– Немцев поблизости нет? Ну, тогда давайте выкатывать, посветлу удобнее.

Не раздумывая долго, они взялись за сошники и покатали пушечку. Довольно легкое орудие, имевшее заводской индекс 53К, на больших автомобильных колесах, весившее 560 килограммов, перекатывалось легко.

До темноты без передыхов успели преодолеть километра три.

– Все, отдохнуть надо, – заявил Михась, в изнеможении опустившись на землю прямо возле орудия. – Тут уже железная дорога близко, по ней немцы дрезины с солдатами пускают. Как бы не нарваться. Уж лучше темноты дожидаться.

Спорить Саша не стал, представив себе всю трагичность ситуации, если бы немцы застали их, перетаскивающих пушку, на путях. И самое плохое – отбиться нечем. Три ящика снарядов – в перелеске у аэродрома, другие остались в урочище. Фактически только из винтовки отстреливаться можно, но в темноте толку от нее немного, не автомат.

Прошел час. Стемнело, на небе высыпали яркие звезды.

– Пора! – теперь уже командовал Саша.

Они взялись за сошники и покатали пушку по дороге. К счастью, дорога пошла под уклон.

– Давайте-ка с разгончика, перед нами насыпь.

С разгона удалось выкатить пушку на железнодорожную насыпь и даже перескочить через первый рельс. А дальше уже толкали, переносили вдвоем одно колесо, пока Мыкола придерживал другое. Но преодолели насыпь быстрее, чем предполагали. Видимо, страх перед появлением дрезины с немцами придал дополнительные силы.

Наконец пушку скатили с насыпи, и перед ними – проселочная дорога.

Изрядно устав, они не стали обходить Дубовку, а нагло прокатали пушку через деревню. Ночью и в советское-то мирное время деревни были пустынные, жители закрывали ставни и ложились спать, а уж в военное-то лихолетье на улице даже собак не было.

До войны собаки брехали, слышав любой звук. Однако, оккупировав чужую землю, немцы собак сразу перестреляли – чем-то они им мешали. Оставшиеся дворняги голоса теперь не подавали.

Вот и переулочек. Жадно хватая открытым ртом воздух, все трое повалились в траву.

– Тяжелая, чертяка! – подал голос Михась.

– Ты бы полковую пушку потолкал, тогда бы сравнивал! – резонно возразил ему Александр. – Давайте выкатим пушку на край перелеска.

С трудом поднявшись, они смахнули пот с лица, перекатали пушку.

– Ну, парни, еще одно дело, и вы свободны. Надо ящики со снарядами к пушке перенести.

В темноте с трудом нашли схрон с ящиками и перенесли их к пушке.

– Все, парни, теперь по домам. Дальше уже я один.

– Как же ты один-то? Я останусь, помогу, – вызвался Мыкола.

– Я сказал – один останусь. Стрельну завтра несколько раз и буду ноги уносить. Пушку жалко, но придется ее бросить. Вам рисковать ни к чему, да и уйти одному легче.

– А если?..

– Выполнять приказ, без всяких «если»!

Парни потоптались в нерешительности. По всему выходило, что давать бой завтра будет один Александр. Стыдновато им уходить было, вроде бросают товарища.

– Свидимся еще, парни. Через два дня – в урочище.

– Точно, дядько?

– Я тебя хоть раз обманул?

– Тогда до встречи! – облегченно выдохнул Мыкола.

Эх, знать бы еще, удастся ли еще уйти после стрельбы?

Парни ушли, в ночной тишине стих шорох их шагов. Можно немного и самому передохнуть. Тяжеловато далось перетаскивать пушку, вон – рубаха на спине насквозь мокрая, и руки дрожат от напряжения.

Александр посидел немного на станине, потом прилег. Все равно ничего не видно, и, пока не забрезжит рассвет, сделать ничего нельзя. Он даже вздремнул неожиданно.

Проснулся от звука мотора. Это на аэродроме для прогрева запустили двигатель.

Саша протер глаза, зевнул. Темень вокруг посерела, стали видны контуры кустов, растущие поблизости.

Александр раздвинул станины, подпрыгнул на сошниках, вгоняя их в мягкую землю. Снял с плеча винтовку, повесил ремнем на край щита, открыл затвор. Зашел спереди, оглядел пушку. Хоть и низенькая – едва выше пояса, а замаскировать надо.

Он наломал веток, укрыл оружие. Хотя бы первые два-три выстрела маскировка поможет ему остаться незамеченным, и несколько минут он выгадает. На такой короткой – метров четыреста – дистанции стрелявшую пушку все равно не скроешь. Засекут по вспышкам, пыли, звукам выстрелов.

На востоке светлело. На аэродроме уже стали видны самолеты, вокруг которых суетились механики. Пора готовиться.

Александр подтащил ящики со снарядами, уложил их возле правой станины, открыл. На крышках – маркировка. «Так, 53-О-240, 53-Щ-240. «О», похоже, осколочные. А что такое «Щ»? Ладно, начну с осколочных».

Александр встал на колени слева от ствола. Низковата пушечка, крутить маховички наведения можно или стоя на коленях, или согнувшись в три погибели.

Дернув за рычаг, он опустил клиновый затвор и через ствол посмотрел на аэродром. Так, высоковата ствол задран. Покрутив маховичок вертикальной наводки, Александр опустил ствол.

Поведя стволом влево-вправо, он поймал кабину бомбардировщика точно в середину отверстия ствола. Пора! Если пилоты бомбардировщиков начнут выруливать по дорожкам, ему за подвижной целью не успеть – прицела нет.

Александр загнал в ствол патрон, нажал на кнопку спуска в центре маховичка. Пушка громко выстрелила, подпрыгнула, перед стволом взметнулось облачко пыли. По наставлениям, если лето и позиция неподвижна, полагается землю перед позицией полить водой, чтобы не демаскировать пушку вздымающейся пылью. Да где же воду взять?

Александр все-таки потерял секунду, посмотрев, куда попал снаряд. Оказалось, в самую точку! Правда, не в кабину бомбардировщика, а в двигатель. Тоже неплохо: мотор дымился, и уже показались языки пламени. Теперь – стрелять в темпе, ведь немцы еще ничего не поняли.

Запуск холодных моторов сопровождался хлопками, клубами дыма и языками пламени. Может быть, и разрыв относительно маломощного снаряда 45-миллиметровой пушки был воспринят как такой хлопок.

Александр маховичком повел стволом вправо и поймал в отверстие ствола грузную тушу фюзеляжа самолета. Загнав патрон в ствол, надавил спуск. Тут же прицелился в другой самолет, снова выстрелил. И только теперь посмотрел на бомбардировщики. Два из них горели.

О, пошло дело! Саша снова прицелился.

Но и немцы всполошились. Над аэродромом взревела сирена, объявляя тревогу. Но пока немцы соображали, откуда может исходить угроза, Саша успел выстрелить в еще один самолет.

Со стороны часовых в направлении лесополосы прозвучали первые винтовочные выстрелы, пока еще не прицельные.

Склад горючего! Как он про него забыл? Саша выглянул из-за щита пушки. Вот он, на территории аэродрома. Далековато, но и у него не винтовка.

Саша прицелился, выстрелил. Промех! Немного поправил маховичком прицел, – выстрел! На этот раз – попадание.

Полыхнуло пламя, раздался взрыв. И сила взрыва была такова, что у Саши заложило уши. От склада ГСМ полетели бочки. Падая, они лопались и возгорались. В той стороне аэродрома бушевал огненный ад.

Саша схватил патрон и выстрелил в склад снова – для верности. А от аэродрома в его сторону уже ехал грузовик с солдатами в кузове и два мотоцикла с колясками.

«Дело плохо, с одной винтовкой не устоять», – пронеслось в голове у Саши. А-а-а, была не была! Саша взял патрон из другого ящика с маркировкой 53-Щ-240, навел оружие по стволу на грузовик и выстрелил.

Эффект превзошел все ожидания. Грузовик вильнул в сторону, и при этом несколько солдат выпало из кузова. «Да ведь это шрапнель», – догадался Саша. Он читал и знал о таких снарядах. При выстреле снаряд летит к цели. Когда срабатывает замедлитель, подрывается вышибной заряд, и на цель летит уже облако круглых шрапнельных пуль, поражая по фронту на своем пути все живое на шестьдесят метров, а в глубину – до четырехсот. Удачный выстрел!

Только, увлекшись грузовиком, он упустил из виду мотоциклистов. Пулеметчики в колясках засекли оружие и открыли огонь. Пули защелкали по броневому щиту пушки.

Саша схватил «маузер», передернул затвор. Укрывшись щитом и опершись локтем о пушечное колесо, он прицелился в водителя и плавно нажал на спуск. Бах! Стрелял он хорошо, в учебке из десяти патронов восемь в десятку клал.

Мотоциклист завалился назад, мотоцикл дернулся и заглох. Зато второй уже был метрах в двухстах.

Саша передернул затвор, прицелился, нажал на спуск. А вместо выстрела – ни щелчка, как при осечке, ни выстрела. Александр ладонью слегка ударил по рукояти затвора, снова прицелился. На этот раз все получилось, прозвучал выстрел. Пулеметчик в коляске всплеснул руками и завалился набок. Ствол пулемета задрался вверх.

Мотоциклист попытался развернуть мотоцикл, но тут из-под колеса коляски вырвалось пламя, прозвучал взрыв. «Так это он на своей mine подорвался!» – догадался Саша. Или мотоциклист не знал о минах, или в пылу боя забыл о них. Ведь еще вчера, когда он полз к аэродрому, сам наткнулся на мину-растяжку.

Но сейчас мотоцикл лежал на боку и из пробитого бака тек бензин. Попадая на раскаленную выхлопную трубу, бензин вспыхнул. Пора уходить!

От аэродрома в его сторону бежали солдаты.

Александр повел стволом и дважды выстрелил по солдатам шрапнелью. Не глядя на результат, он подхватил «маузер» и по-пластунски стал отползать. Потом вскочил и, пригибаясь, бросился бежать. Дело сделано, надо спасаться самому.

По левому предплечью ударило, как палкой, и кисть руки сразу занемела. Только не останавливаться, ведь он как раз на открытом месте. Надо добраться до леса. Еще немного, метров двести!

Александр с трудом дотянул до леса и в изнеможении упал на землю. Дыхание совсем сбилось. Он лихорадочно оглянулся назад.

Немцы окружили пушку, но близко подходить не решались, находясь от нее в полусотне шагов. Видимо, они опасались, что пушка заминирована. Эх, не все снаряды успел выпустить...

Саша посмотрел на руку. Немного ниже локтя из рукава рубашки был вырван клоч, все пропиталось кровью.

Саша засучил рукав, осмотрел рану. Ранение было сквозным, входное и выходное отверстия недалеко друг от друга. Оторвав подол рубашки, он, как мог, перевязал руку. Нельзя терять время, надо уходить быстрее!

Саша поднялся и побежал по лесу. Со стороны аэродрома продолжали раздаваться взрывы, поднимался дым.

Лесок он пробежал за час, а ведь когда пушку втроем тащили, полночи ушло.

Лес впереди поредел, показалась насыпь. Саша вышел к железной дороге.

Он залег. Сейчас торопиться нельзя, необходимо осмотреться. И не зря!

По рельсам неспешно катила ручная дрезина. Двое немцев тянули за ручки привода, качая телами, как заводные. Еще двое автоматчиков сидели сзади, настороженно глядя по сторонам. Пальцы на спусковых крючках, к стрельбе готовы. Еще бы им не насторожиться: со стороны аэродрома по-прежнему валил дым и продолжали раздаваться взрывы.

Колеса дрезины мерно постукивали на стыках. Она проехала мимо затаившегося недалеко от насыпи Александра и скрылась за поворотом.

По обе стороны – никого.

Саша вскочил и опрометью бросился через пути. Оказавшись по другую сторону железной дороги, нырнул в густые заросли кустарника. Уф, теперь можно и дух перевести. Дальше – проще: рельсов с охраной и деревень не будет до самой Богдановки. А почему, собственно, Богдановка? Он же не собирался туда возвращаться?

Саша добрался до урочища, откуда тянули пушку, и присел на пушечный передок. Его донимали раздумья. Куда направиться? Где живут Михась и Мыкола, он не знал. Да он и не пошел бы туда, только семьи их подставил бы. Наверняка уже полицаи из местных есть, да и предатели найдутся. А тут у него еще ранение свежее. Любой дурак сопоставит ранение и стрельбу у аэродрома. Так что, хочешь не хочешь, а придется возвращаться в Богдановку, к Олесе. Хорошая она девка, да больно правильная, принципиальная, может и прогнать. А что? Она хозяйка в доме, на кой ляд ей трутень?

«Доберусь до сарая задами, как и уходил, переночую, а там видно будет, – подумал Саша. – Утро ведь уже, надо хоть рубашку застирать».

Далеко позади залаяла собака, и Александр почувствовал, как по спине пробежал холодок. Дворняг немцы повыбивали. Значит – служебная, по следу идет. Тогда надо к озерам идти. Речки больно маленькие, не укроют.

Саша открыл затвор «маузера». Два патрона всего. Хм, только застрелиться. Ну уж нет, не для того он сюда попал, чтобы пулю себе в башку пустить. «Надо убить собаку и спрятаться на озере, в камышах», – придумал он выход.

Александр пробежал через урочище, выбрал дерево – невысокое, разлапистое, чтобы залезть удобно было. Взобрался, однако, с трудом. Кисть левой руки, хоть и отошла от онемения, ныла, причиняя боль при каждом движении.

Он уселся в развилке поудобнее, положил маузер на ветку. Перед ним было метров двести открытого пространства.

Урочище представляло собой овраг с пологими склонами, скорее даже – глубокую ложбину. На склонах – редкий кустарник, а за ним уже – густой лес.

«Только бы собака была одна!» – взмолился про себя Саша.

И видно, Господь услышал его молитву.

Из-за деревьев показался солдат. Перед ним, на длинном, метров десяти, поводке бежала овчарка. Она шла по следу Саши, туго натянув поводок. Вот она, а следом и солдат, свернули к пушечному передку, на котором Саша сидел перед этим.

Саша устроился поудобнее, поймал в прицел собаку. Уловил момент, когда она замерла, обнюхивая передок. Выстрел! Собака жалобно заскулила и упала, дергая в конвульсии лапами. Солдат метнулся в сторону и благоразумно залег за передок, используя его как укрытие.

Из-за деревьев выбежало около десятка солдат. Собаковод опередил их на сотню метров и потерял собаку.

Солдаты слышали выстрел и почти с ходу открыли беспорядочный огонь из автоматов. Пули били по веткам дерева, по листве.

В «маузере» оставался последний патрон. Не тащить же ему было всю винтовку из-за одного патрона?

Саша прицелился, задержал дыхание и плавно потянул за спусковой крючок. Выстрел! Один из солдат, высокий, упитанный, схватился руками за грудь и упал. Остальные тут же залегли.

«Теперь надо спасаться самому», – понял Саша. Придерживаясь за ветки и закрываясь от немцев стволом дерева, он спустился на землю и бросился бежать. Без винтовки было легче. Найдут ли немцы другую собаку – большой вопрос, а он успеет добраться до озер. В открытом бою он, даже если бы не бросил «маузер», не смог бы выдержать бой с десятком автоматчиков. Потому лучший выход для него сейчас – спрятаться, переждать. И Александр бежал изо всех сил. Пока немцы поймут, что противник исчез, его уже и след простынет.

Вот и озера. Тут их два рядышком были. Одно называлось Белым, а другое – Черным. И несколько минут, а может, даже полчаса у него есть.

Александр сначала кинулся вправо, где камыши росли гуще. Но потом понял, что немцы туда побегут в первую очередь. Он сорвал несколько тростинки, перекусил их зубами и побежал влево – туда, где камыши росли редко и то – только у берега. Берег проглядывался насквозь, и спрятаться там было решительно негде. В самый раз местечко!

С берега Александр прыгнул подальше, чтобы не оставить следов. Потом взял полую камышинку в рот и погрузился в воду. В этом месте было неглубоко, немногим больше полуметра.

Вода была теплая, а дно противное: илистое, скользкое. Ил – это плохо. Он поднимается со дна, когда его потревожишь. И опытный глаз сразу увидит, что в этом месте кто-то проходил. Одна надежда: пока немцы доберутся до озера, муть уже успеет осесть.

Александр лежал неподвижно, размеренно дыша через трубку. Минуты шли за минутами, и ничего не происходило. Что творится на берегу? Посмотреть бы хоть одним глазом, да нельзя. Вдруг они сейчас на берегу и наблюдают за поверхностью воды?

Неожиданно далеко в воде раздался взрыв – как раз в том месте, куда он кинулся поперва. «Гранатами забрасывают, – догадался Саша. – Лишь бы сюда не швырнули, а то всплыву, как оглушенная рыба».

Раздалось еще три или четыре взрыва, и все стихло.

Саша пролежал неподвижно около часа – уж продрог. Вода хоть и теплая, а попробуй полежи в ней долго, да еще и неподвижно. Все тепло из тела высасывает.

Саша медленно поднял голову, стараясь, чтобы по воде не пошла рябь. Берег был пустынен. Но Саша не торопился. Вдруг немцы засаду оставили? Нет, никакого движения.

Он медленно выполз на берег. От долгого лежания в воде рана снова начала кровить. Да еще несколько пиявок с руки сорвал, брезгливо поморщившись.

Немцы ушли. Только вот куда?

Саша, пригнувшись, прошел по берегу. На песчаной почве были видны следы сапог. Ни один след не вел в сторону деревни. Можно идти к Богдановке. Поесть бы сейчас чего-нибудь!

И тем не менее Саша прошел около километра по маленькой речушке или, скорее, ручью, сбивая возможное преследование с собаками.

К Богдановке подошел задом, выметенными донельзя. Пройдя незамеченным к сараю, снял с себя полусырую одежду, бросил ее на веревку сушиться и улегся на все еще лежащую на сене дерюжку. От пребывания в воде и голода его трясло. Но, согревшись под легким одеялом, он уснул.

Проснулся от присутствия постороннего. Не открывая глаз, попытался понять – кто в сарае? От мужчин обычно исходит запах табака, ваксы для сапог, пота.

Сейчас запаха не было. «Наверное, Олеся», – Саша открыл глаза.

На него смотрел ствол дробовика, а держала его в руках именно Олеся. Сколько она здесь стояла, неизвестно, но от ее взгляда не ускользнула окровавленная повязка на Сашиной руке.

– Не пойму я тебя! Кто ты по жизни? Ночью исчезаешь, днем приходишь – с раной на руке, в окровавленной одежде. Ты дезертир, а по ночам людей грабишь? Или партизан?

– Я сам по себе.

– Где руку поранил?

– О колючую проволоку, когда перелезал через нее.

– Куда ты мог лазить?

– На немецкий склад за продуктами. Не сидеть же на твоей шее!

Поверила Олеся его словам или нет, но дробовик опустила. Это была старая «фрловка», вероятно – отцовская.

С началом войны на всей территории Советского Союза оружие и радиоприемники под страхом тюремного заключения было приказано сдать в милицию. Сюда немцы пришли слишком быстро, и, скорее всего, жители об указе ничего не знали. Но и при немцах хранить дома дробовик было невозможно.

Александр посмотрел на ружье, потом на Олесю и покачал головой.

– Утопила бы ты ружьецо где-нибудь, не ровен час – немцы придут. За него ведь и расстрелять могут.

– Это за старый дробовик?

– За него, милая.

– Я тебе не «милая», получше кого-нибудь найду.

– К слову пришлось, прости, если обидел.

– Давай рану посмотрю.

– Чего ее смотреть, только подсыхать начала.

– Если гноиться начнет да антонов огонь приключится, умрешь ведь. Нет сейчас докторов и больниц.

– Тогда смотри.

Олеся принесла из избы чистые тряпицы и кастрюлю с теплой водой. Она умело отмочила водичкой заскорузлую повязку и сняла ее. Осмотрев рану, заметила:

– Врун! Никакая это не колючая проволока! Видела я уже раны, даже перевязывала, когда наши отступали. Это сквозное пулевое ранение.

– Надо же! – делано удивился Саша. – А я думал – проволока.

Девушка внимательно посмотрела в глаза Александру и промолчала. Она промыла рану водой, приложила сухой мох, как еще наши деды в старину делали, и перевязала чистой тряпочкой.

– Где рубашка твоя?

– Сушится.

Олеся подошла к веревке, на которой сушились штаны и рубашка. Брюки только осматрела, а рубашку тут же сорвала с веревки.

– Кровь на ней и рукав рваный. Выкинуть надо!

– Нет, лучше в печке сожги, чтобы следов не осталось.

Олеся усмехнулась, но перечить не стала и ушла в избу. А вернувшись, повесила на веревку сухую и чистую рубашку.

– Этак, пока отец вернется, у него одежды не останется. Почему одежда сырая? Дождя вроде не было, – Олеся испытующе смотрела Саше в глаза.

– По ручью шел, собак со следа сбивал, – вынужден был признаться Саша.

– Так за тобой немцы гнались?

– Именно.

– И где же они?

– Я быстрее бежал, – пошутил Саша.

– Ты чего-то не договариваешь!

– Что ты ко мне пристала, как банный лист? Ты что, следователем работаешь? – Саша едва удержался, чтобы не добавить «в НКВД».

– Ладно, не хочешь – не говори. Все равно сама все узнаю. Вставай, есть будем.

– О, хорошее дело! А то – ружье сразу на меня. Да «где был, что делал»? Как сварливая жена...

– А ты женат?

– Нет, если тебе это интересно. И детей у меня пока нет.

Ели молча. Саша уплетал за обе щеки суп с клецками, потом – картофельные оладьи. Все с пылу, с жару, вкусное. Эх, сейчас бы мясца кусочек да стопку водочки!

Подхарчившись, он почувствовал, как неудержимо потянуло в сон. И то сказать, за последние трое суток он едва ли десять часов спал, а уж пешком отмахал! Веки закрывались сами собой.

Глядя на Сашу, Олеся почувствовала к нему жалость и какое-то необъяснимое пока доверие. Заметив, что он клюет носом, она сказала:

– Ложись, ты что-то совсем квелый.

Саша направился к двери.

– В избе ложись, на отцовой кровати.

Она проводила его в комнатку, указала на кровать. Была кровать сделана своими руками, грубовато, но даже не скрипнула, когда он лег. «Добротнo сработана», – про себя похвалил мастера Саша. Перина пуховая, мягкая, давно не спал на такой, Сон навалился мгновенно.

Проснулся он от громкого стука в дверь.

– Да что такое, выспаться не дадут!

На стук пошла открывать дверь Олеся. Саша же лихорадочно одевался: не хватало, чтобы соседи увидели его в избе девушки раздетым.

Но это оказалась не соседка. Грубый мужской голос интересовался у Олеси, не видела ли она чужих.

– Нет, пан Василий!

– А чего ты меня в горницу не приглашаешь? Могла бы первачом угостить!

– Нет у меня первача.

– А у батки твоего был, я знаю. И не называй меня Василием! Я нынче на службе Великой Германии. Потому называй «пан полицейский».

– Хорошо, пан полицейский.

– Вот, другое дело. Пошли в избу, осмотреть велено.

– Не прибрано у меня...

– Ничего.

Олеся и полицейский вошли в избу.

Саша лихорадочно раздумывал, что делать. Сигануть в открытое окно? Заметит ведь. А если этот полицейский не один? Вот ведь попал в переплет!

Саша замер в ожидании какой-то развязки ситуации. Дверей между комнатами не было, лишь ситцевая занавеска. И сквозь щелочку в ней Александр видел, как по-хозяйски вошел в избу полицай – рыжий мужчина лет сорока с белой повязкой на рукаве и надписью «ПОЛИЦАЙ» на ней. Он уселся на лавку возле стола и поставил рядом с собой снятую с плеча винтовку, советскую трехлинейку, видимо, захваченную немцами в качестве трофея.

– Давай-ка, Олеся, налей, встретить гостя как положено.

Олеся фыркнула, однако нагнулась к люку подпола – видимо, самогон хранился в подвале.

Полицай среагировал мгновенно: он схватил Олесю лапищами за бедра и задрал на ней платье. Олеся взвизгнула и сделала отчаянную попытку освободиться.

Этого Саша уже стерпеть не смог. В два прыжка он оказался рядом с полицаем и заученным движением свернул ему голову. Раздался хруст шейных позвонков, детина обмяк и завалился на скамье.

Прикрыв ладошкой рот, Олеся смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами, в которых плескался нескрываемый ужас.

– Ты что сделал? – наконец произнесла она.

– Гада прищучил!

– Как очнется, что говорить будем? Ой, мамочки!

– Он уже не очнется.

– Ты его... убил? – прошептала она.

– Натурально убил.

Саша потирал руку. Рана заныла от физической нагрузки.

– Это же Василий Пасюк, из Борков!

– Был Василий, стал полицай. Туда ему и дорога!

– Он до войны в тюрьме сидел, за разбой.

– Наверное, немцы освободили.

– Ой, что же теперь будет?

Было видно, что Олеся паникует и уже находится на грани истерики. Конечно, не каждый день на глазах человека убивают, хоть он этого и заслужил своей паскудной жизнью.

– Труп я ночью уберу, – спокойно сказал Саша.

– Он до ночи в избе будет? Я боюсь мертвых, я в избу не войду!

– Живых бояться надо, чего он тебе мертвый сделает? Ты, когда открывала, других полицаяев не видела?

– Вроде нет.

– Вроде! Где твои глаза?

Саша осторожно подвинул край занавески на окне.

Деревня была пустынной – никакого движения. Хорошо, если никто не видел, как Пасюк этот к Олесе зашел.

– Тихо, не видно никого.

– Зачем его убивать было? – спросила девушка.

– А зачем ты орала? Я же думал, что он тебя изнасиловать хочет.

– Отбилась бы, – как-то неуверенно ответила девушка.

– Теперь поздно об этом говорить.

Олеся ушла в другую комнату.

– Не могу я вместе с этим... – она не договорила.

Александр в раздумье присел на лавку перед лежащим на полу трупом. «Черт, не оставлять же его на кухне. Не ровен час, зайдет кто-нибудь. Может, в подпол его сбросить? Так ведь трупное окоченение наступит, потом его оттуда не вытащишь».

– У тебя большой мешок есть? – окликнул он Олесю.

– Есть.

– Неси.

Олеся опасливо, сторонкой, по-над стенкой обошла мертвого полицая и вскоре вернулась с большим мешком.

– Теперь веревку принеси.

Когда Олеся принесла веревку, он попросил ее выйти, а сам притянул и связал руки и ноги полицейского, сложив его тело вдвое. С превеликим трудом он затолкал труп в мешок, завязал горловину и, перетащив мешок в коридорчик, положил его в темный угол. Так он хоть в глаза бросаться не будет. А тяжел, собака! Ночью этого гада еще вытаскивать придется.

Саша оглядел кухню. Е-мое, кепка полицейского на полу валяется, и винтовка у стола стоит. Не помогла она хозяину.

Саша открыл крышку магазина, и ему на ладонь вывалилось три патрона. Он даже рассмеялся. Не густо немцы полицаяев снабжают! Карманы-то у полицая пустые – ощупал, пока в мешок заталкивал.

Винтовку с дробовиком в ручье утопить придется. Полицейский мог сказать, куда направился, а если еще его винтовку найдут, не отвертеться будет.

До темноты они сидели, как на иголках.

Едва стемнело, Саша взял винтовку полиция, дробовик Олеси и задами направился к ручью. Пройдя подальше вдоль берега, он закинул оружие в воду. А вернувшись домой, сказал Олеся:

– Помогай!

Вдвоем они едва дотащили мешок с трупом до ручья.

– Все, – обернувшись к Олеся, сиплым от натуги голосом сказал Саша, – иди домой, дальше я сам.

По земле тащить труп в одиночку тяжело, а вот по воде – в самый раз.

Александр толкнул мешок с трупом в воду и увидел, что тот до конца не тонет и хоть немного, самую малость, но из воды выглядывает. Тогда он ухватил мешок за горловину и потащил его вниз по течению. Хорошо хоть туфли не надевал. Они и так размокли, а другой обуви у него нет.

Километра через два-три – разве определишь расстояние ночью, в крошечной тьме – он наткнулся на корягу. Под нее мешок и затолкал. Глядишь, сожрут раки, они мертвечину любят.

По ручью же он вернулся в Богдановку. Дно у ручья песчаное, мягкое, ногам даже приятно. А про битые бутылки и другой мусор, о который пораниться можно, здесь даже не слыхали.

Заявившись во двор, он повесил брюки сушиться в сарае. В избу зашел в рубашке и трусах. Олеся всплеснула руками:

– Где штаны оставил?

– Представляешь, дождя нет, а брюки снова сырые. Не везет мне что-то. В сарае висят, сушатся. Спать пора. Надоели мне сегодня водные процедуры.

Саша снял рубашку, улегся на постель и еще раз вспомнил все происшедшее с полицейским. Вроде все предусмотрел, следов нигде не оставил. С тем и уснул.

Проснулся он в полночь от чьего-то прикосновения.

– Саша, это я, Олеся. Уснуть не могу, страшно. Так и кажется, что мертвый Василий сюда вернется. Можно я с тобой полежу?

– Ложись, места много.

Кровать и в самом деле была широкой, двуспальной.

– Все не решался тебя спросить – а где же мама твоя?

– От тифа умерла, еще за три года до войны.

– Прости, Олеся, не знал.

Саша повернулся к Олеся, приобнял. Девушка запротестовала:

– Только без рук!

– Как знаешь.

Саша засопел, повернулся к ней спиной и уснул.

Проснувшись утром, он обнаружил, что Олеся повернулась во сне к нему лицом, обхватила рукой, да еще и ногу ему на ногу положила. Ночная рубашонка задралась, обнажив прелестные ноги и попку.

Видно, Саша неосторожно повернулся, и девушка проснулась, смущенно поправила ночнушку.

– Я же говорила – без рук! – попыталась рассердиться Олеся.

– Так это же не я тебя обнимал – ты сама...

Девушка покраснела слегка:

– Отвернись!

Она встала с постели, вышла из комнаты, и вскоре Саша уже услышал звон подойника.

– Коровку подоит сейчас, молочко парное пить будем! – обрадовался Саша.

Только они уселись завтракать, как в окно постучали.

– Это дед Трофим – наш, деревенский! – поспешила успокоить Александра Олеся. Она вышла на крыльцо, и, поскольку окно было открыто, Саша ясно слышал их разговор.

– Здравствуй, Олеся.

– И вам доброго здоровья, деда.

– Не мое, конечно, дело, Олеся, только ты бы побереглась, дочка. Прошлой ночью аэродром немецкий, что под Дубовкой, наши разгромили, должно – окруженцы. Так немцы злые сейчас, по деревням рыщут, всех молодых парней с собой увозят. Люди говорят – в Пинск. Сегодня в Борках были. А тут еще полицай из этих Борков, Васька Пасюк, будь он неладен, пропал.

– Деда, я-то здесь при чем?

– Ты уж прости, дочка, меня, старого, только жилец-то твой – уж не знаю, кем он тебе приходится, мужик молодой и, похоже, из военных. Ушел бы он от греха подальше. У нас в деревне мужиков-то, окромя него, и нет, одни бабы с детишками да старики остались.

– Хорошо, деда, спасибо вам, что предупредили. Родственник это наш дальний. Только о нем немцам – ни слова.

– Понимаю, дело молодое, а все же поберегись.

Олеся вошла в избу бледная, видимо, спокойствие во время разговора далось ей нелегко.

– Я слышал разговор, Олеся, – опередил ее Александр, поднимаясь из-за стола. – Сейчас доем и уйду.

– Куда же ты пойдешь?

– А к фронту и пойду. Нагрянут немцы – из-за меня вся деревня пострадать может. Тем более что у меня ранение свежее. Немцы не дураки, быстро сообразят, что к чему.

– Так аэродром – твоих рук дело?

– Моих, – не стал больше скрывать Саша. Все равно уходить, так чего дальше темнить.

– И эшелон на станции ты сжег?

– Было дело.

– Вот я дура!

– Это ты о чем?

– Думала о тебе плохо. Да ты сядь, доешь. А я пока узелок тебе соберу.

Саша допил молоко, доел хлеб. Олеся же металась по дому, собирая узелок, яичек вареных, несколько картофелин, половину каравайя ржаного хлеба, огурцов и немного соли в спичечном коробке.

Александр успел сбегать в сарай и надеть высохшие штаны и рубашку.

– Ну, Олеся, давай прощаться. Девушка ты хорошая, береги себя. Даст бог, свидимся еще.

Олеся обняла Сашу, всплакнула. Ну да слезы девичьи – что роса под лучами летнего солнца, высыхают быстро.

– Ты ведь с немцами боролся – один! А я вместо помощи...

– Ну-ну, – погладил ее по плечу Саша, – успокойся. С кем не бывает!

Он повернулся, взял узелок со стола и вышел. Уходил задами, через огороды, чтобы меньше любопытных глаз его видело.

Глава 3. Политрук

Александр уходил на восток, по направлению к Черному и Белому озерам. Правда, с Мыколой и Михасем нехорошо получилось. Сегодня они встретиться должны, а его не будет. Но и немцев дожидаться тоже не стоит. Когда еще рана подживет?

Он шел себе и шел, помахивая узелком. По крайней мере, о пропитании на сегодняшний день беспокоиться не стоит. Какое же сегодня число? Александр начал считать. Выходило – пятое, а, кажется, он здесь так давно, столько событий произошло! И каких событий – не соскучишься! Но главное – сам пока жив и немцам урон нанес немалый, внес свою лепту в победу над врагом.

Теперь вопрос в другом – куда идти и что делать? Нынче он изгой: ни родни, ни дома, ни документов. Одним словом, выражаясь милицейским языком, бомж.

Во-первых, узнать бы – где линия фронта и как далеко придется пробираться? Общественного транспорта, вроде автобусов или электричек, нет, потому на своих двоих придется топать. Настолько, насколько он помнил из истории, немцы должны быть у Березины, но где эта река, Саша не помнил точно. Вроде бы наши предки французов при этой реке били сильно, но сколько до нее добираться – сто, двести, триста километров?

Немцы наступают, фронт нестабилен, и сплошной линии, как это бывает при позиционной вой-не, то есть траншей, блиндажей, дзотов и прочих сооружений, нет. Просочиться вполне можно. Он бы прошел через линию фронта в любом случае – их этому учили.

Ночью траншеи и окопы охраняют часовые, и между ними можно проползти. Пожалуй, наихудшее – только мины. Из-за них сильно падает скорость передвижения, так как приходится присматриваться к каждой подозрительной кочке или лунке.

К полудню он подошел к Лунинцу, только севернее, и залег перед шоссе, ведущим на Бардковичи.

Лежать пришлось долго: то с одной, то с другой стороны шли колонны автомашин и одиночные мотоциклы. Тут всего-то, казалось бы, перебежать через дорогу – и в лес, а – поди, попробуй...

Улучив момент, Александр метнулся на другую сторону. И снова – пешком по лесу. Направление выдерживал без компаса. Чего хитрого: солнце справа, деревья на южной стороне гуще, мох или лишайник на дереве с северной стороны растет. Зная эти мелочи, можно определиться с направлением.

До вечера он успел сделать привал и съесть все, что положила в узелок Олеся. Сейчас лето, жарко, и продукты беречь нет смысла – испортиться могут. Уж лучше живот набить.

Поев, Александр полежал немного, задрал ноги на ствол дерева. В такой позе ноги отдыхают лучше всего, этому его еще взводный в свое время в армии научил. И – снова вперед.

К вечеру Александр добрался до селения Микошевичи, отмахав за день километров тридцать пять. Тяжеловато с непривычки, давно он марш-броски не совершал. А ведь в армии и больше проходил, да еще с грузом – рюкзаком, автоматом. «Стареть стал, физкультурой не занимаюсь, водочку иногда употребляю – вот итог, – укорял себя Саша. – Картой бы разжиться!» – размечтался он, улегшись на ночлег под разлапистой елью.

Для человека военного, пусть и в прошлом, карта значит много. Есть возможность сориентироваться по месту, определить расстояние, естественные преграды вроде рек и болот.

Утром Александр проснулся рано оттого, что продрог. Хотя и лето, а не жарко в Белоруссии по ночам. Да еще легкий туман, промозгло.

Есть было нечего, и, чтобы согреться, он пошел быстрым шагом.

Когда встало солнце, туман рассеялся и стало теплее.

«Далеко ли до наших? – размышлял Саша. – Сейчас бы радио послушать. Несбыточные мечты!»

Легкий ветерок донес до него смрадный запах. Почудилось? Нет, с каждым шагом запах становился все сильнее.

Саша вышел на проселочную дорогу и остановился, пораженный увиденным. Так вот откуда этот запах!

На дороге стояла разгромленная автоколонна Красной армии. Явно истребители немецкие поработали. Следы от воронок на дороге, на машинах пулевые отверстия сверху – на капотах, кузовах... Если бы стреляли из танков, пробоины были бы на бортах.

Невелика колонна, всего четыре полуторки. Две сгорели дотла, две имели значительные повреждения. А в грузовиках и вокруг них в нелепых позах лежали тела наших бойцов, уже вздувшиеся от жары. Красноармейская форма была залита кровью. Вокруг кружили тучи мух.

Сашу едва не стошнило. Преодолев мучительное чувство головокружения, он вздохнул. Похоронить их по-человечески не удастся: лопаты нет. Но даже если бы она и была, копать братскую могилу одному хватило бы на неделю. «Нет, не смогу, кишка у меня тонка. Заберу у них документы и уйду», – решил Саша.

Зажав левой рукой нос, он стал обшаривать карманы гимнастерок. К его удивлению, документов почти ни у кого не оказалось. Только маленькие пластмассовые смертные пеналы. Только у сержанта нашлась красноармейская книжка. Он сидел в кабине первой полуторки и, похоже, даже выпрыгнуть не успел. Пули разворотили ему голову, превратив ее в кровавое месиво.

Саша сунул его книжку в карман, вытянул из кобуры наган, из кармашка на кобуре – плоскую картонную пачку патронов. Заглянул в кузов. Бойцы успели покинуть его при налете, только у задней стенки кабины лежал брошенный в спешке вещмешок.

Саша вытащил «сидор» и поспешил в лес. Дышать смрадом не было сил.

Отойдя подальше, он уселся на ствол поваленного дерева и развязал «сидор». Обычные солдатские вещи: вафельное полотенце, бритвенный станок, пачка патронов к «трехлинейке», запал от гранаты, кисет с махоркой. И – удача! Банка бычков в томате. Наверное, выдали как НЗ или сухой паек. Жаль, открыть нечем. Очень не хочется, но придется возвращаться к разбомбленной автоколонне, чтобы поискать нож или что-то другое, чем можно вскрыть банку.

Оставив вещмешок, Саша пошел к машинам.

Густой трупный запах напрочь отбивал любые желания, оставляя только одно – лишний раз плотнуть чистого воздуха.

Рядом с убитым бойцом он увидел лежащую на земле винтовку СВТ с примкнутым штыком. «А вот это – то, что надо!» – обрадовался Саша. Отстегнув штык от винтовки, он быстрым шагом, почти бегом, вернулся к поваленному дереву.

На мосинских трехлинейках штыки были игольчатые, четырехгранные. Ими можно было только колоть. В повседневной жизни бойца такой штык – вещь бесполезная. Другое дело – штык СВТ, самозарядной винтовки Токарева. Плоский, вроде длинного ножа, по типу немецкого маузеровского. При нужде им и консервы открыть можно было, и ветку срезать.

Саша обтер штык о рукав рубашки, вскрыл банку, и, пользуясь штыком, как ложкой, поел. Хороши бычки, жалко только, что банка маленькая. Однако, несмотря на скудость завтрака, он почувствовал прилив сил. Теперь можно и оружием заняться.

Провернув барабан револьвера, он осмотрел камеры. Все семь тупорылых патронов были на месте. И револьвер попался неплохой, офицерский, с самовзводом, выпуска еще

Тульского оружейного завода Его Императорского Величества. А вообще-то были еще и револьверы солдатские, без самовзвода.

Саша сунул револьвер в правый карман, картонную пачку с запасными патронами – в левый. А что со штыком делать? В руке нести неудобно, ножен к нему нет, но и выкинуть жалко. Не найдя в себе силы расстаться со штыком, он осторожно заткнул его за ремень. Небезопасно, конечно, обрезать можно – одна сторона клинка острая, как бритва.

Александр попрыгал, как их учили в спецназе, чтобы проверить – не бренчит ли на нем что-либо. В противном случае звуки могли его выдать. И – снова вперед.

Съеденные бычки в томате давали о себе знать легкой изжогой, и потому в первом же встреченном ручье он напился воды – чистой, прохладной.

Шел до полудня, пройдя не менее двадцати километров. Ноги после вчерашнего маршброска немного гудели, и Саша сделал привал. Он полежал с полчаса, пролетевшие до огорчения быстро. Вставать и идти надо, а так не хотелось!

Через километр Александр наткнулся на деда, собиравшего в лукошко грибы. Он-то и сам видел грибы по пути, только собирать их боялся, поскольку мало что в них смыслил.

Дед от неожиданной встречи даже лукошко уронил. Но, разглядев подслеповатыми глазами, что перед ним свой, крикнул с досады и стал собирать в лукошко рассыпавшиеся грибы.

– Бог в помощь, дедушка! – поприветствовал его Саша.

Дед в ответ пробурчал что-то невнятное.

– Не подскажете, село или деревня поблизости есть?

– Есть, как не быть. Житковичи называется. Только не ходи туда, там немцев полно. Избы наши заняли, ведут себя как хозяева. Кур постреляли, баб наших сварить их заставили, да и пожрали, чтоб они подавились ими.

– А вы-то где живете?

– Где? В сараях да на сеновале.

– Про фронт, про наших не слышал ничего, дедуля?

– Радио у нас нет, газет тоже. Немцы говорят – скоро Москву возьмут – до осени. Да еще и гогочут, сволочи!

– Ну, это вилами по воде писано, – уверенно возразил Саша.

– Немцы-то все здоровые, откормленные – как бычки. А на наших я посмотрелся, когда отступали. Голодные, на ногах обмотки, винтовки – и то не у всех. Как им победить-то?

– Ничего, дедуля, будет и на нашей улице праздник, попомни мои слова.

– Да ты на себя-то давно смотрел? – усмехнулся в усы дед. – Не лучше тех, что отступали.

Саша промолчал. В словах деда все было правдой. И отступаем мы, и едим не досыта, и на ногах ботинки с обмотками, а не сапоги, как у немцев. Да и с оружием пока худо, как и с боеприпасами. А все равно отлаженная немецкая машина сломается, увязнет на наших просторах. И мы будем в Берлине, а не немцы в Москве!

Колоч дед, ершист, но ведь правду говорит. А правда не всегда нравится. Да и что бы он сам говорил, окажись на месте деда? До войны ведь из каждого репродуктора настойчиво утверждали: нет Красной армии сильнее, мы врага шапками закидаем, и воевать будем малой кровью на чужой территории. На деле же не успела война начаться, как немцы уже заняли Минск, Могилев, Рогачев, стоят перед Оршей, от которой до Москвы – меньше пяти-сот километров. Армия же отступает, у красноармейцев не хватает винтовок, патронов, не говоря уж о танках. А самолетов красных с началом войны в небе вообще практически не видно. Вот и думай, что хочешь. Конечно, Родина – она как мать, любишь ее за то, что она у тебя есть. Хотя временами Родина не всегда ласкова к своим сыновьям, а порой и просто жестока.

– Ты прости, дедушка, Красную армию. В растерянности она, в себя не придет от вероломности удара. Но трудности это временные. Вон сколько татары на нашей шее сидели, а ведь скинули. И Красная армия соберется с силами, выгонит немцев – только верить надо!

– Правильно говоришь, парень, только комиссары тоже красиво говорили, а на деле...

Дед горестно махнул рукой и продолжил:

– Я тебя уже за то зауважал, что ты к немцам в плен не сдался, к своим пробираешься. Немцев-то я знаю, сам воевал с ними в Первую мировую, потом – с белополяками. Русскому чем сильнее по мордасам надают, тем он в драке злее становится. Тяжело нам под немцами, только помни: ждать будем вашего возвращения!

Ох и дед! С виду прост, а речь закатил не хуже пропагандиста.

Саша попрощался со стариком и пошел к Житковичам. Надо посмотреть, что там за немцы остановились, может – картой разжиться удастся.

Увидев дома издалека, он улегся на опушке, в бурьяне.

Немцев в самом деле оказалось много. На улицах местных жителей почти не было видно, а серая мышиная форма мелькала часто. Проезжали машины, мотоциклы. К удивлению Саши, проехала группа немецких солдат на велосипедах – да много, около роты. Для Саши это было открытием. Раньше он полагал, что все гитлеровские части сплошь моторизованы.

Хорошо бы высмотреть одиночку, да не рядового – офицера! У того и карта может быть. Допросить бы еще, да беда – языка не знает. В школе английский изучали так себе.

Наблюдал он за передвижением немцев в селе долго. И разработал-таки план. Саша обратил внимание на то, что к одному из домов часто подъезжают мотоциклы и машины, заходят и выходят солдаты и офицеры. Наверняка штаб какой-то части. А где штаб, там обязательно линия связи и связисты.

Саша посмотрел вверх. Столбы на улице были, причем старые, потемневшие от времени. И провода на изоляторах висели – только вот какие? Электрические, по случаю войны не действующие, или же немцы протянули по ним свой телефонный провод? Надо бы узнать.

Саша обошел село. Выйдя на восточную окраину, он нашел взглядом столбы и пошел вдоль них, держась в отдалении метров на сто.

Житковичи уже скрылись из вида. Меж тем столбы с проводами потянулись по просеке в лесу. Место для засады удобное во всех отношениях. «Буду резать провода здесь», – решил Саша. Он огляделся, прислушался. Никакого движения вокруг, никакихстораживающих звуков.

Сняв ботинки и зажав во рту штык, Саша полез на столб. Неудобно. Ноги скользили по отполированной поверхности столба, руки ныли от напряжения. С «кошками» получилось бы лучше.

Добравшись до верха, он с удовлетворением обнаружил телефонные провода с черной оплеткой.

Штыком Саша аккуратно перерезал провод – но не полностью. Пересек медные жилы, но оставил целой оплетку с одной стороны. Потом спустился вниз, запрокинул голову, стараясь рассмотреть с земли место повреждения, и, не заметив, остался доволен. Провод выглядел неповрежденным. Если он не ошибся, скоро должны появиться немецкие связисты.

Саша залег за дерево напротив столба, положив перед собой револьвер и штык. Пригодился-таки штык от СВТ!

Через полчаса и в самом деле на просеке появились два солдата-связиста. У одного через плечо – сумка с инструментами, у другого – полевая катушка с проводом. Оба были вооружены винтовками. Сразу видно – технари, не вояки.

Почти у каждого столба солдаты останавливались. Один из них доставал из сумки «кошки», надевал на ноги и лез на столб, подключая к проводам трубку и прозванивая цепь.

Медленно они приближались к месту засады. Наконец остановились у столба с поврежденным проводом. Связист снял винтовку, чтобы не мешала, и отдал ее товарищу. Нацепив «кошки», он полез на столб.

Повреждение связист обнаружил сразу, радостно что-то прокричав товарищу.

«Нельзя мне его сейчас трогать, пусть ремонтирует, – решил Саша. – Когда связь восстановится, никто сразу не насторожится. Что странного? Сделав дело, связисты должны вернуться в подразделение. Если их убить сейчас, вышлют вторую пару связистов, а то, может, и с автоматчиками».

Между тем связист на столбе соединил провода и замотал скрутку черной изолентой. И только он стал спускаться вниз, как Саша выстрелил из револьвера в того, что стоял на земле. Связист упал, как подкошенный.

Чем хорошо револьвер – выстрел негромкий, ТТ куда более шумный.

Связист на столбе застыл, как изваяние. Товарищ внизу убит, обе винтовки – возле него, со столба с «кошками» на ногах не убежишь. Положение самое дурацкое.

Подойдя к убитому, Саша махнул стволом револьвера связисту – слазь, мол. Связист спустился, с опаской поглядывая на русского. Едва коснувшись ногами земли, он тут же поднял руки вверх.

– Нихт шиссен, камерад!

– Какой я тебе «камерад»? Аусвайс?

Немец полез в карман и вытянул солдатскую книжку.

Саша стволом револьвера показал ему – бросай на землю. Не стоит подходить слишком близко. Этот «камерад» запросто мог ударить его по голове сумкой с инструментами.

Когда немец неуклюже отошел назад – все-таки с «кошкам» на ногах ходить неудобно, Саша поднял «Soldaten buch» – солдатскую книжку – и раскрыл ее.

– Так, Фридрих... – ну и фамилии у них, одни согласные, не прочитаешь. – Двадцатая танковая дивизия, тридцать девятый мотокорпус.

Черт! Как плохо, что он не знает немецкий. Как объяснить, что ему нужна карта. Про «аусвайс» случайно выскочило – насмотрелся фильмов про немцев.

Саша обеими руками очертил в воздухе квадрат и сказал по-английски: «Мэп». Как ни странно, немец понял. Он кивнул и показал на убитого.

Держа в поле зрения связиста, Саша обшарил карманы убитого и нашел карту. Слегка потрепанная на сгибах, с надписями на немецком. Когда он развернул ее, в глаза бросилась красная полоса, тянущаяся с севера на юг и проходящая через Полоцк, Оршу, Витебск. Так это же линия фронта!

От Житковичей тянулось несколько карандашных пунктиров. «Это линии связи обозначены», – догадался Саша. Он резко вскинул револьвер и выстрелил в немца. Пуля попала тому в грудь. Связист попытался закрыть рану руками и упал. Оставлять его в живых было нельзя, вызовет фельджандармов – или кто у них там за порядок в тылу отвечает – потому и пришлось убить.

Не нравилось ему это дело, мера вынужденная, но необходимая. И что теперь ему делать с солдатской книжкой? Только и понял из нее номер дивизии и корпуса.

Саша бросил книжечку рядом с убитым, осмотрел его сумку с инструментами. Когда немец был еще на столбе, Саша заметил в его руках складной нож.

Нож в сумке нашелся – хорошей золингеновской стали, с деревянной ручкой. Все лучше и удобнее, чем штык без ножен за ремнем носить. Винтовки Саша брать не стал – носить тяжело.

Так он и пошел по линии связи от Житковичей. На ходу вытряхнул из барабана револьвера две гильзы, дозарядил патроны. Необычные они: пули в гильзе утоплены глубоко, кончики у пуль абсолютно низкие, как срезанные.

Пройдя километров пять, Александр уселся передохнуть на пень и развернул карту. Надписи на ней были по-немецки, но перевести их вполне можно. Карта довольно подробная – немцы печатали все детали.

Саша посмотрел на масштаб карты, прикинул расстояние до линии фронта. Получалось порядочно, километров двести сорок. Этак пешком больше недели идти надо, да и то – в хорошем темпе. А немцы все дороги на восток заняли, потому быстро не получится.

Так, а что это идет вдоль дороги? Река, ей– богу, река! Саша по слогам прочитал с немецкого: «При-пять». И расположено удобно – до Мозыря, поворачивая потом на юг и впадая в Днепр. Ну, туда Саше не надо, а вот сплавиться по реке вполне можно, все лучше, чем ноги пешком бить. И было до реки всего-то километров десять на юг, куда Саша и повернул. Все-таки карта – удобная вещь!

Он добрался до шоссе Пинск – Гомель... и застрял перед ним до вечера. Почти сплошным потоком по шоссе шли колонны автомашин с пехотой, грузами, натужно ревели танки и бронеавтомобили, тарахтели мотоциклы. И все это моторизованное воинство шло на восток. Перебежать шоссе не было решительно никакой возможности.

Пришлось ждать темноты.

С приходом ночи движение почти прекратилось. «Порядок у них, «орднунг», – цокнул языком Саша. – Днем воюют, ночью спят, обед по расписанию».

Сумев-таки пересечь дорогу, до реки он добрался уже глубокой ночью. Теперь надо утра ждать и искать, на чем сплавляться. Хорошо бы лодку раздобыть, на худой конец – пару бревен. И на них – вниз по течению. Немцы реками, как транспортной артерией, пренебрегали. А ему будет в самый раз.

Остаток ночи Александр провел под кустами, только уснуть толком не мог – от реки влажность большая. Под утро – туманчик легкий, промозгло.

Едва начало светать, Саша, дрожа, поднялся, попрыгал, поприседал, согреваясь. Спустившись ближе к воде, он внимательно осмотрел реку и испытал чувство глубокого разочарования.

Была река шириною метров семьдесят, и хороший стрелок мог попасть в цель на другом берегу даже из пистолета, а уж из винтовки или из автомата по цели на воде – тем более. И – никаких плавсредств в пределах видимости! Спрашивается, и чего он шел к реке? Эх, сюда бы сейчас моторную лодку, да с ветерком прохватить! Пришлось идти пешком по берегу.

Через час бодрого хода он увидел слева, в полукилометре, нашу разбитую батарею полковых пушек. Не поленился, подошел в надежде разжиться продуктами. Голод – не тетка, живот урчал, требуя еды.

Батарея находилась в боевом положении, все четыре пушки стояли в отрытых оружейных окопах, между станинами лежали тела погибших артиллеристов и валялись стреляные гильзы. Пушки были искорежены, и везде – следы танковых гусениц. Поодаль стояли два трактора-тягача «Комсомолец», две полуторки. Все было разбито и сожжено.

Саша попытался представить картину боя. Наши артиллеристы успели отрыть позиции и приготовиться к бою. Немецкие танки двигались с востока и попали под огонь батареи. Скорее всего, немецкая пехота обошла батарею с флангов и посекала артиллеристов из автоматов. А уж потом танки довершили разгром.

В бою пушки всегда ставят позади пехоты. Их задача – уничтожить танки и другую технику врага. А пехотинцы должны бороться с пехотой. Тут же – никаких окопов пехоты перед пушками. Батарею бросили заткнуть дыру на танкоопасном направлении – без пехоты, без поддержки. Вот и погибла вся батарея, и, похоже, бесславно. Ведь ни одного подбитого танка перед батареей не было. Хотя времени прошло после боя много – не один день, и немцы могли утащить танки в свой тыл, на ремонтные заводы.

Саша подошел к грузовикам, нашел в кузове галеты и банки с тушенкой – явно сухой паек. Он вытряхнул вещи из чьего-то вещмешка и уложил туда продукты. Есть хотелось безмерно, но не здесь же, не на разбитой батарее. Проутюженные вражескими танками тела бойцов, запекшаяся кровь и – особенно – смрадный запах не способствовали аппетиту.

Саша вернулся на берег, открыл консервы, распечатал пачку галет и поел. Зачерпнув пустой банкой воды из реки, напился.

Мысль, которая вдруг осенила его, была до того простой и ясной, что он поразился, почему при виде разбитой батареи она сразу не пришла ему в голову. «Ох и тупица же я! – обругал себя Саша. – Мозги на гражданке жиром заплыли! Ведь на пушках и машинах колеса есть, а в них – камеры. Самое подходящее плавсредство!»

Пришлось ему снова идти на батарею. Еще удивительно, как местные жители из близлежащих деревень не растащили все, что уцелело, хоть те же консервы. Или убоялись вида убитых?

В автомашине нашлись инструменты, коими Саша разбортировал колесо и вытащил камеру. Насосом накачал ее до звона. Это сейчас автолюбители избаловались, кроме запаски, домкрата и баллонного ключа никаких других инструментов с собой не возят. Многие не знают, как пробитое колесо поменять. Ну да он, Саша, не из таких...

Александр подкатил камеру к берегу, снял вещи и связал их в тугой узел. Бросил камеру в воду, улегся на нее спиной, а узелок с вещами и вещмешок с консервами на живот положил, где посуше.

Течение подхватило камеру с Сашей и понесло ее вниз. Руками он подгребал немного, стараясь не удаляться далеко от берега. На середине, где стремнина, течение сильнее, но и опасность быть обнаруженным выше.

Несмотря на то, что река равнинная, плыть получалось быстрее, чем идти. Приходилось только зорко смотреть на оба берега – не появятся ли немцы?

Часа через три Саша подгреб к берегу – обогреться. Ноги и пятая точка были в воде, и он замерз. Вода хоть и тепленькая – июль все-таки, но долго находиться в ней было невозможно.

На берегу он съел еще одну банку тушенки, вполне неплохой – умели же раньше делать, и, греясь на солнце, размышлял. Что он скажет за линией фронта, выйдя к своим? В правду не поверит никто. Поэтому надо придумать легенду и твердо ее придерживаться.

Саша вспомнил о красноармейской книжке убитого сержанта. Он достал ее, развернул. Бумага неважного качества, фотографии нет, но записи чернилами читаются хорошо, и оттиск печати четкий.

Итак, Савельев Александр Трофимович. Ты гляди, тезка! Год рождения – тысяча девятьсот десятый. Немного моложе его сержант был, но при случае сойти может. Сто седьмой стрелковый полк пятьдесят пятой дивизии, Западный особый военный округ.

Саша повторил дважды номер полка и дивизии, а также фамилию и инициалы сержанта. Теперь ему предстояло стать сержантом Савельевым. Хоть какая-то зацепка в этом мире.

Придя к такому решению, Саша сразу почувствовал себя увереннее. Теперь, перейдя линию фронта, он может найти хоть какое-то обоснование своему существованию. А то, что он с оккупированной территории вышел, – так в сорок первом, особенно в начале, не он один это делал. Выходили целыми подразделениями. И ему стыдиться нечего: в плен не сдавался, с врагом не сотрудничал. Даже свою лепту в борьбу с ним внес, пусть и малую пока.

Отдохнув и обогревшись, он продолжил плавание.

Воду Саша никогда не любил. На море был пару раз, плавать умел – по крайней мере, ту же Припять спокойно переплыть мог, но не любил. Однако в жизни ведь приходится делать далеко не все, что любишь, что тебе по душе.

Так, без приключений и неприятностей сплавлялся он до вечера. Что его удивляло и настораживало даже, так это отсутствие на реке какого-либо движения. Ни лодок с рыбаками, ни воинских катеров... С рыбаками понятно – им не до рыбалки, хотя рыбка свежая – хорошее подспорье к скудному столу. А военные? Для него к лучшему, но вообще – почему немцы не контролируют реку?

Обогревшись на берегу, Александр натянул свою одежду, еще слегка влажную от брызг и близости воды. Надувную камеру он спрятал в кустах, а сам слегка углубился в лесок. Найдя удобное место, улегся на сосновую хвою и уснул. И сны снились ему еще из прошлой, счастливой жизни. Он увидел во сне свою встречу с Антоном, застолье обильное с разносолами, беседу по душам с другом.

Проснулся Саша бодрым, с хорошим настроением. Вокруг щебетали птицы – в этом месте вой-ны не было.

Он позавтракал тушенкой с галетами, выпил водички. Полежал немного, прикидывая, какое расстояние он покрыл за вчерашний день. Получалось – километров сорок. Ежели бы он шел пешком, ноги утром были бы чугунными. А вплавь – бодрость с утра и усталости никакой.

Саша собрался было раздеться и продолжить сплав, да поведение птиц насторожило его. Совсем рядом кружили и трещали сороки, подсказывая ему, что по лесу явно кто-то шел.

Оставив на месте вещмешок, Саша вытащил из кармана револьвер и, перебегая от дерева к дереву, стал осторожно приближаться к месту, над которым летали встревоженные птицы.

Сначала он услышал голоса, а, приблизившись, различил немецкую речь. Немцы! И довольно близко от него, в двухстах метрах от его ночлега.

На небольшой поляне стояло с десятков мотоциклов с колясками, на которых было небрежно брошено обмундирование. Сами же немцы загорали на берегу. Все они были сильными и рослыми, только вот кожа была бледная.

Пока Саша раздумывал, что предпринять, немцы с хохотом полезли в воду купаться.

Приехали они явно вчера, иначе сегодня он услышал бы тархтение мотоциклетных моторов. Скорее всего, подразделение их следовало маршем, вот и свернули на ночевку. А утречком искупаться решили, смыть дорожную пыль. Чего-чего, а пыли на наших дорогах хватает, это вам не Франция или Польша.

Решение пришло мгновенно. Надо броском преодолеть двадцать метров до ближайшего мотоцикла и воспользоваться пулеметом. Ствол МГ-34 как раз в сторону Припяти смотрит.

Немцы плещутся, толкают друг друга в воде, как будто и войны никакой нет, а они просто на отдыхе где-нибудь на Лазурном Берегу. Ну, будет вам сейчас отдых!

Саша вытянул шею, пытаясь разглядеть, заправлена ли в пулемет лента. Ошибка будет стоить жизни. С облегчением отметил – лента в пулемете есть. Он набрал в грудь воздуха, как перед прыжком в воду, и, пригнувшись, бросился к мотоциклу. Чем позже его заметят немцы, тем лучше.

С ходу запрыгнул в коляску, одним движением сбросив лежавшую на ней униформу, взвел затвор – ведь МГ-34 стрелял с заднего шептала, повернул ствол на купающихся и нажал спуск. Пулемет загрохотал.

Саша водил стволом по купающимся немцам. Дистанция огня была всего метров тридцать, и он даже особо не целился.

Воздух огласился криками и стонами немцев – ничего не понимающих, падающих в окрасившуюся в красный цвет воду.

И вдруг пулемет замолк. Саша с ужасом увидел, что лента закончилась, затвор пулемета щелкнул вхолостую. Видно, немецкий пулеметчик уже стрелял в предыдущие дни, и лента была неполной.

Саша рвал из кармана револьвер, а он, как назло, зацепился спицей курка за подкладку.

Недобитые немцы, воспользовавшись заминкой, рванули из воды прямо к нему. Исход столкновения решали секунды.

Саша рванул револьвер, услышав треск разрываемой ткани кармана, и в это время с другой стороны поляны ударил очередями автомат. И не по мотоциклу, не по нему, Саше, а по немцам. Это было неожиданно, но незнакомый автоматчик позволил выиграть миг, спасший Сашу жизнь. Он вскинул «наган» и почти в упор, самовзводом, выстрелил в единственного добежавшего почти до мотоцикла немца. Тот упал, ударившись головой о колесо мотоцикла.

Больше стрелять было не в кого. Саша выбрался из коляски и побежал к берегу, сжимая в руке револьвер. Течение реки медленно относило трупы немцев. «Раз, два, три, – начал считать Саша. – Четырнадцать! И на берегу четверо. Итого – восемнадцать».

Саша пересчитал мотоциклы. Их оказалось десять. На каждом ехали водитель и пулеметчик. Где же еще двое? Уйдут ведь, тревогу поднимут! И где же этот неизвестный, так вовремя поддержавший Сашу огнем, выручивший в трудной ситуации?

– Эй, выходи! – крикнул Саша, повернувшись к той стороне поляны, откуда раздавались автоматные очереди.

Из-за деревьев, прихрамывая, вышел командир Красной армии – без головного убора. На левой ноге, прямо поверх галифе – грязный бинт. В руке он сжимал пистолет-пулемет Дегтярева. Лицо исхудавшее, обросшее недельной щетиной, запавшие глаза лихорадочно блестели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.